Васильев
Правда о
кадетах.
Спб. 1907.

Библиотека
ГЖ215
В286

ГЖ 215
В 286

Н. П. Васильевъ

ПРАВДА О КАДЕТАХЪ

С.-Петербургъ
1907

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К
П
1984

ГЖ215
В286, Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 730
БИБЛИОТЕКА

15

59058

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Правда о кадетахъ.

I.

Кадеты, т. е. бывшіе конституціоналисты-демократы, а нынѣ партія народной свободы, занимаютъ въ ряду существующихъ политическихъ партій совсѣмъ особое мѣсто. Въ дѣйствительности едва ли даже можно говорить о кадетахъ, какъ объ одной партіи. Три, пять, десять различныхъ группъ и подгруппъ входятъ въ составъ кадетской партіи. Но и этого мало: группы, входящія въ партію, въ сущности, совершенно разнородны и по общественному положенію, и по задачамъ, и по степени революціоннаго напряженія. Если же весь этотъ разнородный составъ тѣмъ не менѣе выступаетъ въ качествѣ единой партіи, то объясненій факту надо искать, конечно, не въ истинныхъ стремленіяхъ партіи и менѣе всего въ талантливости руководителей. Таковы были, а отчасти и сейчасъ остаются, нѣкоторыя особыя условія русской дѣйствительности.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, отмѣтимъ хотя бы всѣмъ уже давно и одинаково извѣстныя основныя три кадетскія группы: центръ, состоящій изъ лидеровъ, ихъ ближайшихъ учениковъ, друзей и агентовъ; правое крыло, охватывающее часть городской буржуазіи, и лѣвое крыло, которое, главнымъ образомъ, состоитъ изъ воин-

ствующей части еврейской интеллигенціи и нѣкоторой группы весьма, впрочемъ, немногочисленной, студенчества.

Правое крыло, какъ мы сказали, охватываетъ часть городской буржуазіи. Сюда, слѣдовательно, входятъ: доктора изъ числа тѣхъ, кто, обладая независимой практикой, желалъ бы добиться и хоть нѣкотораго внѣшняго почета; адвокаты изъ числа тѣхъ, которые должны быть въ опозиціи, чтобы не навлечь на себя опасныхъ гоненій со стороны дирижирующаго нашей адвокатурой еврейства; служащіе въ банкахъ, страховыхъ обществахъ, комиссіонныхъ и иныхъ конторахъ, особенно, если знакомые студенты успѣли поколебать въ нихъ вѣру въ существующій порядокъ, а отсутствіе политическаго развитія не позволяетъ разбираться въ томъ, гдѣ кончается скорбь о недочетахъ правительственнаго механизма и гдѣ начинаются революціонные замыслы. Сюда же входятъ и группы чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, зачисляющихъ себя въ опозицію изъ нерасположенія къ своему ближайшему начальству, изъ-за уменьшенной порціи праздничныхъ наградныхъ, изъ-за неполученнаго мѣста, на которое имѣлись разсчеты. Впрочемъ, чиновники кадетствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе близкой кажется имъ возможность кадетскаго министерства, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ яснѣе убѣждаются, что этотъ моментъ не такъ еще, слава судьбѣ, близокъ.

Сюда же входитъ и нѣкоторая часть купечества, а именно тѣ торговцы, которые «до всякой высшей политики своимъ умомъ доходятъ» и недоброжелательство по отношенію къ своему участковому приставу распространяютъ на самую идею правительства. Сюда же входитъ и та часть приказчиковъ, у которыхъ нѣтъ смѣлости рисковать мѣстомъ изъ-за прямого сочувствія революціи съ ея бомбами и грабежами, но которымъ чается, что, если министрами будутъ не графы да князья, а «хорошій господинъ Набоковъ» или «знаменитый во всей Европѣ ученой головой» Карѣевъ или Ковалевскій, то всякому служащему

и жалованья прибавятъ, да и полиція будетъ «меньше безобразить». «Помилуйте!—говорятъ такіе кадеты,—хозяинъ намедня-сь напился сверхъ всякаго безобразія, и хоть бы что! А мы, маленькіе люди, чуть гдѣ въ ресторанѣ развернешься, сейчасъ тебя въ участокъ! Развѣ въ Европѣ такіе порядки?!»

Словомъ, все это крыло было бы правильнѣе назвать отчасти опозиціей по необходимости, въ силу ряда нелѣпостей русской дѣйствительности, отчасти кадетами во имя всякаго рода практическихъ чаяній. Сюда, поэтому, причисляютъ себя и члены тѣхъ учрежденій, гдѣ предсѣдатель кадетъ; сюда же относятся и всѣ тѣ, кто, по составу своего знакомства, считаетъ для себя неудобнымъ въ минуты, когда, можно сказать, «дѣлается русская исторія», не быть, по крайней мѣрѣ, кадетомъ; сюда относятся, наконецъ, и всѣ тѣ, кто, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, обыкновенно же по собственной винѣ, остался неустроеннымъ или недостаточно устроеннымъ, и ждетъ отъ новаго порядка вещей самыхъ крупныхъ благъ. Такіе, конечно, пальца о палецъ не ударятъ даже во имя того же «новаго» порядка, но не прочь заранѣе пріобщиться къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, сумѣетъ его устроить. На всякій случай. Тѣмъ болѣе, что такіе обыкновенно рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ.

Именно эта группа и составляетъ главный фондъ партіи, тотъ фондъ, на которомъ центръ партіи строитъ всѣ свои разсчеты. Какъ увидимъ дальше, иногда не совсѣмъ удачно....

Еще подробность, которая можетъ быть не лишней для характеристики этого праваго крыла. Именно въ составъ этой группы сейчасъ послѣ 17-го октября вошли всѣ тѣ помѣщичьи элементы, которые, отбившись отъ дворянскихъ традицій, но не успѣвъ достичь большихъ успѣховъ по службѣ или въ дѣлахъ, повѣрили въ звѣзду «фютюръ-министровъ» и поэтому на всѣ голоса вдругъ закричали о безотвѣтственной бюрократіи, о непотизмѣ,

царящемъ въ правящихъ кругахъ, о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, о произволѣ властей, о голодномъ мужикѣ и т. д. Казалось, что вдругъ у этой значительной части общества открылись какимъ-то чудомъ глаза и то, что пришлось увидать этимъ вдругъ прозрѣвшимъ глазамъ, заставило встрепенуться сердца и пробудило совершенно исключительное по силѣ чувство любви къ родинѣ. Но шли дни, и совершались событія. Оказалось, что однимъ изъ возможныхъ слѣдствій этихъ дней является опасность потерять наслѣдственныя земли и ужъ, во всякомъ случаѣ, не получить полностью аренды. Немедленно эта группа опозиціонеровъ забыла свои недавніе клики и возгласы и такой же шумной гурьбой, какой вошла въ правое крыло кадетовъ, вышла изъ его состава, разбрелась затѣмъ по разнымъ болѣе консервативнымъ партіямъ, до самыхъ крайнихъ включительно.

Фактъ несомнѣнный и очень любопытный. Онъ подчеркиваетъ правильность нашего опредѣленія истинной сущности праваго крыла кадетовъ. Это не политическая группа въ смыслѣ объединенія на почвѣ именно данной, а не какой либо другой политической программы. Это просто группа людей практическихъ чаяній.

Но если все это и такъ, то почему же, спрашивается, тѣмъ не менѣе, платформой, объединяющей эти различныя группы, явилась именно кадетская программа, а не какая либо другая? Только потому, что ни одна програма не являлась въ такой мѣрѣ спеціально для этой цѣли принаровленной, какъ программа кадетовъ.

О программахъ правыхъ партій въ данномъ случаѣ говорить не приходится. Правыя партіи не могли, конечно, имѣть никакого успѣха тамъ, гдѣ основнымъ мотивомъ, около котораго наростали настроенія, было недовольство существующимъ строемъ и, слѣдовательно, его представителями—правительствомъ. О программахъ партій явно революціонныхъ также говорить не приходится. Подъ вліяніемъ пережитой передъ и послѣ 17-го октября су-

мятицы, несомнѣнно опредѣлился весьма значительный интересъ къ революціоннымъ партіямъ, къ ихъ организаціи, стремленіямъ и программамъ. Но революціонеры несли съ собою кровь и разрушеніе. Отъ интереса къ нимъ и даже сочувствія до участія въ партіи, конечно, очень далеко. Между тѣмъ, рядомъ съ революціонерами, почти бокъ о бокъ съ ними, открылась лавочка, въ которой предлагали не только такой же, но во многихъ отношеніяхъ и болѣе соотвѣтствующій привычкамъ и наклонностямъ товаръ, и притомъ куда по болѣе дешевой цѣнѣ. Революціонеры говорили о немедленномъ улучшеніи рабочаго быта, но грозили потоками крови, а въ кадетской лавочкѣ предлагали то же улучшеніе, но достигнутое мирнымъ путемъ. Революціонеры предлагали обезпечить крестьянъ землею, но хотѣли тутъ же разорить для этой цѣли всѣхъ помѣщиковъ, а въ кадетской лавочкѣ предлагали и землю и «справедливое вознагражденіе». Революціонеры кричали о семи свободахъ, но грозили убить каждаго, кто съ ними не во всемъ согласенъ, а въ кадетской лавочкѣ предлагали тѣ же семь свободъ и притомъ никого убивать не грозили, а товаръ свой предлагали вѣжливенько, деликатненько, твердо памятуя, что покупатель любитъ уваженіе.

Чего только не было въ этой кадетской лавочкѣ? Рѣшительно все, что такъ или иначе могло войти въ сферу практическихъ чаяній. Для евреевъ—равноправіе, для поляковъ—автономія, для армянъ—чуть ли не подчиненіе имъ магометанъ, для магометанъ—чуть ли не подчиненіе имъ армянъ, для приказчиковъ—воскресный отдыхъ и улучшеніе быта», для купцовъ—новая финансовая система, а для основной массы населенія, т. е. для крестьянства,—«земля и воля». А главное—земля... «Земля, земля, земля!»—такъ громко и торжественно не кричали, вѣроятно, даже спутники Колумба, когда увидали землю послѣ долгаго и опаснаго плаванія по океану.

Для всѣхъ вообще въ этой лавочкѣ имѣлся еще и особый, такъ сказать, «завѣтный товаръ». Онъ предлагался изъ-подъ полы, но о немъ ходили легенды изъ устъ въ уста, и каждый постепенно узнавалъ, что этимъ товаромъ торгуютъ только у кадетовъ. Товаръ этотъ — «фютюръ-министры», т. е. совокупность «именъ», басня о томъ, что ни одна партія не можетъ выставить такихъ удивительныхъ, замѣчательныхъ, всему міру извѣстныхъ, геніальныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безкорыстныхъ, самоотверженныхъ и обожающихъ родину людей, какихъ сколько угодно въ партіи народной свободы.

Время отъ времени и въ этой торговлѣ прорывались недочеты: одни обѣщанія становились въ противорѣчіе съ другими. Но тамъ, гдѣ весь товаръ состоитъ исключительно изъ обѣщаній, съ такими пустяками, какъ противорѣчіе однихъ обѣщаній другимъ, справиться, конечно, легко. Если кого-либо смущало, напримѣръ, что изъ семи свободъ, парламентаризма и автономіи можетъ получиться что-то вродѣ республики, кадеты клятвенно увѣряли, что они монархисты, и ссылались на то, что ихъ партія называется не просто конституціонной, а конституціонно-монархическо-демократической. Если кто-либо начиналъ очень волноваться при мысли, что автономія Польши легко приведетъ къ отдѣленію ея отъ Россіи, въ лавочкѣ увѣряли, что ихъ автономія совсѣмъ особая, способная только укрѣпить связь Польши съ Россіей, но ужъ никакъ не ослабить эту связь. Республиканцамъ же и сторонникамъ польской независимости они при этомъ подмигивали, а если это не помогало, то вступали съ ними въ особыя негласныя соглашенія.

При такихъ условіяхъ, очевидно, только тѣ, кто обладаетъ отъ природы особымъ революціоннымъ темпераментомъ, могъ предпочесть партіи народной свободы какую либо явно революціонную партію. Очевидно также, что всѣ, кого обуревали тѣ или иныя практическія чаянія, но кто вмѣстѣ съ тѣмъ не считалъ, что ему уже и сейчасъ

хочется очутиться гдѣ-нибудь на Карѣ или въ Крестахъ, спѣшили въ кадетскую лавочку.

Конкурировать съ кадетской лавочкой могъ бы, конечно, въ виду всего сказаннаго, только одинъ союзъ 17-го октября. Но союзъ выступилъ съ слишкомъ опредѣленной политической программой, имѣвшей явно дѣловой характеръ. Платформа, которая менѣе всякой другой способна объединить массы. Программа союза разсчитывала на умъ, а не на чувство. Она стремилась дать каждому вопросу болѣе или менѣе опредѣленные контуры. Не было простора ни для какихъ неясныхъ, но тѣмъ болѣе дразнящихъ надеждъ. Самая постановка вопросовъ въ этой программѣ была по преимуществу дѣловая. Имѣлось въ виду не соблазнять людей, а призывать ихъ къ обновленію Россіи и къ улучшенію различныхъ частей ея управленія. По цѣлому ряду вопросовъ программа союза даже близко подходила къ ярлычкамъ, налѣпленнымъ на тѣ же вопросы въ кадетской лавочкѣ, но не было главнаго—не было той общей атмосферы полулжи-полуправды, которая волнуетъ кровь, дѣйствуетъ на воображеніе, разжигаетъ страсти, окрыляетъ надежды.

Не было и «завѣтнаго товара». «Фютюръ-министры», о которыхъ уже слагались цѣлыя легенды, стараніями еврейской печати, были издавна выдвинуты на аванъ-сцену политической жизни. Рядомъ пріемовъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ мы поговоримъ подробно, сами «фютюръ-министры» также не мало сдѣлали для украшенія и распространенія этихъ легендъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ никто, даже тѣ, кто уже тогда имѣлъ вполнѣ точное представленіе объ истинныхъ достоинствахъ этихъ «фютюръ-министровъ», не могъ представить никакихъ наглядныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ въ опроверженіе легендъ объ ихъ исключительной работоспособности, особыхъ талантахъ и государственномъ умѣ. Вѣдь эти господа еще никогда не участвовали въ управленіи. Они до тѣхъ поръ только критиковали. А критиковали они настойчиво, на-

зойливо, шумливо, такъ что поневолѣ ихъ имена застряли у всѣхъ въ ушахъ.

Въ это же время тѣ имена, которыя выставлялись союзомъ 17 октября и съ которыми связывалось представленіе о дѣловой, сухой программѣ, уже такъ или иначе были причастны къ управленію; слѣдовательно, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ оказывались въ кругѣ тѣхъ, взрывъ опозиціоннаго настроенія противъ которыхъ и опредѣлялъ собой политическій моментъ.

Такимъ образомъ, единственный конкурентъ, который могъ бы соперничать съ кадетами, постепенно сталъ терять шансы. Естественно, если тѣмъ неудержимѣе повалили покупатели въ кадетскую лавочку...

Таковъ правый флангъ партіи народной свободы. Ясно, что, въ качествѣ группы по преимуществу практическихъ чаяній, этотъ флангъ въ значительномъ большинствѣ своего состава принадлежалъ скорѣе къ пассивному кадетству, чѣмъ къ активному. Онъ изображалъ собой въ глазахъ центра, т. е. лидеровъ и ихъ свиты, сценическую толпу, лицъ безъ рѣчей, тѣхъ, отъ кого ждали голосовъ на выборахъ, если можно и сколько можно — пожертвованій и время отъ времени—одобрительнаго гула.

Конечно, прилагались всѣ усилія, чтобы вызвать также хоть нѣкоторое напряженіе революціонной энергіи. Если не для проявленія ея во внѣ, то хотя бы въ качествѣ нѣкотораго запаснаго капитала. Центръ понималъ, что время отъ времени полезно потрясать хотя бы бутафорскимъ громомъ. Слѣдовательно, наличность хоть какого нибудь, хоть игрушечнаго электричества, была бы весьма на руку.

Въ этомъ отношеніи, однако, правый флангъ оказывался изъ рукъ вонъ плохимъ. Отдавая голоса по сочувствіе, а тѣмъ болѣе нѣкоторую сумму денегъ, онъ былъ увѣренъ, что этимъ уже купилъ свое право на полученіе отъ центра всякихъ благъ и при томъ, по крайней мѣрѣ, сторицей противъ того, что было снесено къ ногамъ центра.

Малѣйшее промедленіе уже вызывало раздраженіе и, конечно, не только противъ правительства, которое, очевидно, вздумало серьезно сопротивляться, но и противъ центра партіи, который что-то не умѣетъ взять «быка за рога». Правда, время отъ времени, кое-какія изъ группъ этого праваго фланга любили, возмущаясь, грозить: «Если молъ такъ будетъ и дальше, мы всѣ какъ одинъ человѣкъ пойдемъ на баррикады». Но этотъ негодующій возгласъ тонулъ въ общемъ хорѣ остальныхъ голосовъ того же фланга: «Просто, знаете, эти кадеты — одинъ обманъ...»

И при этомъ, конечно, забывалось, что сами же они, т. е. тѣ, кто говоритъ это, состоятъ именно въ кадетахъ...

II.

Совсѣмъ иное представляетъ собой лѣвое крыло партіи. Оно состоитъ изъ людей воспламененныхъ, изъ людей, въ такой мѣрѣ ненавидящихъ существующее правительство, что когда они говорятъ о немъ, глаза ихъ принимаютъ рубиновый оттѣнокъ, лица искажаются, а нѣкоторыхъ даже начинаетъ какъ бы подергивать.

Они ненавидятъ правительство, какъ господство дворянскаго класса, какъ организацію, которая состоялась помимо нихъ и не намѣрена включать ихъ въ свой кругъ. Ихъ раздражаетъ и оскорбляетъ мысль, что они, такіе умные и такіе талантливые, навсегда осуждены оставаться среди условій своего происхожденія, своего быта, своихъ интересовъ, а въ это время ихъ товарищи по университетской скамьѣ, менѣе ихъ учившіеся и менѣе одаренные, самымъ фактомъ принадлежности къ правящимъ кругамъ, чуть ли не со школьной скамьи пріобщаются къ совсѣмъ особымъ сферамъ. Ихъ возмущаетъ мысль, что тамъ, «на верху», о которомъ, впрочемъ, они ничего не знаютъ, кромѣ мелкихъ, чисто уличныхъ сплетенъ, существуютъ обширныя группы людей, позволяющихъ себѣ смѣшивать

ихъ со всей остальной массой. Тамъ «на верху»—вѣчный праздникъ и упрямое стремленіе держать ихъ, талантливыхъ и рвущихся къ большимъ дѣламъ, на почтительномъ отъ себя разстояніи.

Подавляющее большинство этой группы, конечно,—евреи. Именно, какъ мы выше сказали,—воинствующая часть еврейской интеллигенціи.

Уже много писалось на тему объ этой интеллигенціи, но еще больше будетъ написано о ней, когда евреи получатъ, наконецъ, столь желанное имъ равноправіе. Если еврей рабочій, мелкій торговецъ, ремесленникъ, коммиссіонеръ иногда вызываетъ къ себѣ чувство брезгливости, то далеко не всегда проявляемое къ нему презрѣніе заслуживаетъ оправданія. Онъ бѣденъ, онъ жалокъ, онъ грязенъ, онъ некрасивъ, онъ стоитъ передъ глазами въ видѣ живого напоминанія объ одномъ изъ самыхъ мучительныхъ историческихъ вопросовъ. Но онъ прежде всего вѣчно голоденъ, у него семья, въ которой не менѣе десяти ртовъ, онъ принужденъ вертѣться въ тѣсномъ кругу дозволенныхъ ему занятій, онъ придавленъ исторически сложившимся предубѣжденіемъ противъ него, предубѣжденіемъ, которое, какъ онъ самъ понимаетъ, встрѣтитъ его одинаково на всемъ земномъ шарѣ, во всѣхъ пяти частяхъ свѣта.

Сколько бы онъ ни доказывалъ, что и онъ можетъ быть и честенъ и правдивъ и что въ его груди бьется живое сердце,—все равно вѣрить ему будутъ только на половину. Постепенно это лишало его охоты что либо доказывать. Онъ, какъ человѣкъ, цѣликомъ ушелъ въ себя, въ свою семью, въ своихъ единовѣрцевъ. Для остальныхъ онъ только бѣдный еврей, которому также хочется существовать.

Но не то еврей-интеллигентъ, все равно кончилъ ли онъ курсъ въ университетѣ или нѣтъ. Если онъ только не простой еврей, а еврей, который одѣвается какъ баринъ, бываетъ въ театрахъ, состоитъ членомъ клубовъ,

можетъ такъ или иначе участвовать въ общей русской жизни, онъ уже не удовлетворяется тѣмъ, чего достигъ, и поэтому прежде всего, конечно, начинаетъ ненавидѣть тѣхъ и то, что является помѣхой въ его замыслахъ. Что же это и кто это? Русское національное чувство, патріотизмъ, законы, правительство, привилегированные круги общества.

У евреевъ есть своя аристократія, но она цѣнится только простымъ еврействомъ. Интеллигентное еврейство понимаетъ, что еврейская аристократія сильна лишь своимъ умѣніемъ скрывать свою силу. Поэтому интеллигентное еврейство не признаетъ никакой аристократіи: ни своей, ни русской. Еврей-интеллигентъ всегда и непремѣнно демократъ. Онъ можетъ разсчитывать только на себя, и поэтому только въ разрушеніи самаго представленія о различіи общественныхъ слоевъ онъ видитъ свое будущее.

Онъ настойчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самолюбивъ. Его настойчивость иногда ведетъ и къ успѣху, но чаще только растравляетъ самолюбіе. Онъ, поэтому, обыкновенно неуравновѣшенъ, легко приходитъ въ негодованіе и, конечно, не онъ упуститъ случай отомстить. Всегда насторожившись живетъ онъ между русскими и всегда онъ ихъ непримиримый врагъ, если только слово «врагъ» способно достаточно выразить ту степень ненависти къ русскимъ, до которой доходитъ его ненависть.

Оговоримся: это собственно не ненависть къ отдѣльнымъ русскимъ людямъ, съ которыми судьба сталкиваетъ еврея-интеллигента. Отдѣльныхъ русскихъ онъ въ большинствѣ случаевъ только презираетъ, считая вообще русскій народъ тупымъ, глупымъ, бездарнымъ. Нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже любитъ. Онъ ненавидитъ Россію, русскій двуглавый орелъ, славу и могущество Россіи, ея значеніе среди европейскихъ державъ. Россія, какъ государство, представляется ему тѣмъ колоссальнымъ мохнатымъ звѣремъ, который раздавилъ его своей пятой и не съѣдаетъ только потому, что брезгаетъ. Обозленный и

негодующій, онъ видитъ въ Россіи, какъ государствѣ, первопричину той тяжелой раны, которая нанесена ему въ первый день рожденія и которая сочилась и будетъ сочиться кровью до послѣдней его минуты. Она сочилась кровью и тогда, когда въ гимназіи ему кричали «жидъ», и тогда, когда онъ не попалъ въ процентъ и два года не могъ зачислиться въ число студентовъ, и тогда, когда его не хотѣли принять въ помощники присяжнаго повѣреннаго, и тогда, когда родители русской дѣвушки, которую онъ намѣтилъ себѣ въ жены, встрѣтили удивленіемъ его предложеніе. Эта рана никогда не подживаетъ. Онъ женился на дочери лодзинскаго или бахмутскаго коммерсанта, взялъ въ приданое золоченые стулья, бывшіе всегда его мечтой, устроилъ пріемную или врачебный кабинетъ, или открылъ инженерное бюро, онъ уже имѣетъ знакомыхъ въ числѣ настоящихъ русскихъ и даже почтительно раскланивается съ самимъ вице-губернаторомъ, или, быть можетъ, и сенаторомъ, но кровь продолжаетъ сочиться изъ раны и заставляетъ болѣзненно трепетать всю нервную систему, только лишь явится мысль о Россіи, о Русскомъ государствѣ, о его двуглавомъ орлѣ....

Это онъ, раненый въ день рожденья въ самое сердце, возликовалъ великимъ, страстнымъ ликованіемъ, когда, къ полному своему удивленію, сталъ узнавать о побѣдахъ японцевъ. Онъ писалъ о нихъ въ газетахъ, онъ кричалъ о нихъ въ клубахъ, онъ иронизировалъ надъ Россіей гдѣ могъ и какъ могъ, сначала осторожно, трусливо оглядываясь во всѣ стороны, а по мѣрѣ хода событій все смѣлѣе и наглѣе, доходя временами до самаго жестокаго издѣвательства. Еще бы! Наконецъ-то онъ видитъ свою мечту осуществленной. Это не дни Шипки и Плевны и взятія Карса, когда надо было, скрѣпя сердце, идти въ цѣпяхъ собственной ненависти за подъемомъ русскаго національнаго чувства, и когда надо было кричать «ура», хотя сердце обливалось кровью. Это были ужасные дни Ляояна, Мукдена, Цусимы, когда сами обстоятельства

прорвали въ его груди плотину десятилѣтіями сдерживаемой ненависти и позволили выпрямиться во весь ростъ чувству совсѣмъ особой, страшной еврейской мстительности.

Вдругъ объявляется народное представительство. Куда же примкнетъ и за кѣмъ пойдетъ такой еврей? Конечно, за тѣми, кто ведетъ къ революціи. Революція для него символъ полнаго разгрома того, что ему нестерпимо болѣе всего—національнаго чувства. Это надежнѣйшее средство добиться такого порядка вещей, при которомъ уже никакая расовая антипатія не помѣшаетъ еврею-интеллигенту выплыть на самый верхъ политической волны и тамъ распорядиться по-своему. А, главное, будетъ удовлетворена страсть, т. е. то, чѣмъ только и могъ онъ жить, и огромные запасы чего онъ накопилъ за эти долгія, тяжелыя для него десятилѣтія.

Какъ понятно само собой, въ настоящую революцію, т. е. въ ту, гдѣ нужно дѣйствовать револьверомъ, кинжаломъ и бомбой, такой еврей въ большинствѣ случаевъ не пойдетъ. Зачѣмъ? Онъ вовсе не такъ глупъ! Во-первыхъ, онъ понимаетъ, что нѣтъ никакой надобности браться за опасную часть предпріятія; къ тому же онъ видитъ, что и безъ него найдется много неосторожныхъ, которые согласятся на какое угодно безуміе. Во-вторыхъ, онъ понималъ, что быть руководителемъ революціи во всѣхъ отношеніяхъ много выгоднѣе, чѣмъ ея осуществителемъ. Наконецъ, какъ человѣкъ, имѣющій свои особые интересы, онъ прежде всего долженъ былъ заботиться о нихъ.

Онъ поэтому очень быстро понялъ, насколько изъ всѣхъ политическихъ партій ему удобнѣе всего примкнуть къ кадетской. Начинаясь у самаго источника союза 17 октября, т. е. партіи строго конституціонной, кадетская боевая линія развернулась вплоть до того тупого угла, гдѣ сосредоточились шайки убійцъ и грабителей во имя «великаго дѣла революціи». Кромѣ того, онъ сообразилъ, что исторически этотъ фронтъ строился не справа налѣво, а слѣва направо, и что корни партіи и основ-

ные ея центры вышли изъ тьмы революціоннаго подполья. Правда, во имя партійныхъ соображеній на знамени партіи время отъ времени появлялись символы, до нѣкоторой степени, по крайней мѣрѣ, напоминавшіе о ненавистномъ прошломъ. Но еврей, о которомъ мы говоримъ, на то и еврей, чтобы умѣть различать тактику отъ задачъ. Для русскихъ простаковъ—символы, а онъ, еврей, знаетъ отлично, съ кѣмъ имѣетъ дѣло...

И онъ безъ колебаній объявилъ себя кадетомъ. Главное, что его кадетство ничѣмъ его не стѣсняло. Оставаясь съ внѣшней стороны лойяльнымъ, онъ мыслію и сердцемъ могъ быть въ революціонномъ подпольѣ. Поскольку это послѣднее являлось бы для него опаснымъ, онъ оставался кадетомъ; насколько, однако, революціонное подполье могло помочь ему въ его истинныхъ стремленіяхъ, онъ всегда былъ готовъ привѣтствовать его, поддерживать его и во всякомъ случаѣ, быть посредникомъ между нимъ и широкими кругами общества. Особенно же, между нимъ и тѣми простаками, которые бродятъ по всему кадетскому фронту, растерянно ища, куда бы имъ приткнуться...

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, что никто изъ такихъ евреевъ не окунулся въ самую гущу революціи, какъ не слѣдуетъ и того, что только одни евреи вошли въ составъ лѣваго кадетскаго крыла.

III.

Чтобы ближе разобраться въ этомъ вопросѣ, необходимо хотя бы въ немногихъ словахъ отмѣтить вообще роль еврейства въ томъ хаосѣ мыслей, поступковъ и настроеній, который на языкѣ кадетской печати называется «великой русской революціей».

До конца семидесятыхъ годовъ число евреевъ, принимавшихъ участіе въ освободительномъ движеніи того времени, было сравнительно ничтожно. Объясняется это

обстоятельство тѣмъ, во-первыхъ, что тогда движеніе выражалось въ формѣ «хожденія въ народъ», а ужъ какой это «ходящій въ народъ», если на лицѣ его отчетливо обозначено, что онъ еврей; и тѣмъ, во-вторыхъ, что тогда евреи составляли совершенно ничтожный процентъ общаго числа нашей учащейся молодежи. Еврей-интеллигентъ, какъ типъ, которымъ мы занимались выше, тогда едва лишь сталъ обозначаться.

Стоило движенію принять иной характеръ, т. е. изъ стадіи мирной пропаганды перейти съ стадію воинствующей агитаціи, сразу же въ рядахъ революціонеровъ число евреевъ стало увеличиваться. Пропаганда не такъ свойственна безпокойной и всегда суетливой натурѣ еврея. Агитація и заговоръ болѣе сродни ему. Въ такой дѣятельности еврей находитъ удовлетвореніе своимъ основнымъ національнымъ инстинктамъ. Сверхъ того, именно это время совпало съ пробудившимся уже ранѣе, но лишь тогда получившимъ широкое распространеніе среди евреевъ стремленіемъ въ университеты.

Повѣримъ террористамъ и вмѣстѣ съ ними признаемъ, что евреи дали отличный революціонный матеріалъ. Террористы не нахвалятся евреями, а особенно еврейками. Но, слѣдя за признаніями тѣхъ же террористовъ, мы видимъ, что, главнымъ образомъ, евреевъ употребляли для ролей, требующихъ суетливости и маклерскихъ талантовъ. Они уговаривали новичковъ, содержали конспиративныя квартиры, перевозили контрабанду, распространяли нелегальныя изданія. Среди нихъ были и убійцы, какъ пресловутый Гольдбергъ, но такіе были сравнительно рѣдкими исключеніями.

Послѣ полнаго разгрома революціонныхъ организацій, приблизительно въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, евреи, если и попадались въ политическихъ преступленіяхъ, то преимущественно—совсѣмъ зеленая университетская молодежь. Но именно тутъ-то еврейство и сыграло свою особую роль: оно глубже другихъ общественныхъ элементовъ

Институтъ В. И. Ленина
85065

усвоило революціонныя начала и явилось хранителемъ ихъ и передатчикомъ позднѣйшимъ временамъ. Организаціи были разгромлены, но остались сѣмена; они были взрощены въ разныхъ мѣстахъ группами еврейской молодежи и, соотвѣтственно съ этимъ, какъ только сталъ опредѣляться моментъ, пустили особенно прочные ростки именно въ еврейскихъ сердцахъ.

Не станемъ здѣсь останавливаться ни на исторіи еврейскаго бунда, ни на исторіи сіонизма, этихъ двухъ организацій, каждая изъ которыхъ сыграла свою роль въ революціонизированіи народныхъ массъ. Скажемъ только, что обѣ организаціи, конечно, всецѣло обязаны своимъ развитіемъ еврейской молодежи. Не станемъ также повторять общеизвѣстный фактъ, что студенческія движенія конца 90-хъ годовъ были созданы и поддержаны, главнымъ образомъ, еврействомъ.

Но любопытная подробность: въ огромномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ наблюдается, что, являясь зачинщикомъ и организаторомъ, еврейская молодежь обыкновенно очень осторожно останавливалась какъ разъ на границѣ, отдѣляющей мысль, намѣреніе отъ дѣйствія. Дѣйствіе она предоставляла своимъ христіанскимъ товарищамъ. Сама же устраивалась такъ, чтобы и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти.

Она хлынула въ общество и тамъ использовала всѣ предоставленныя закономъ возможности утвердиться и пустить корни. Но она никогда не забывала себя и потому соблюдала осторожность даже тогда, когда удовлетворяла своей страсти, т. е. той еврейской ненависти и мстительности, о которыхъ мы подробно говорили выше.

Въ революціонный омутъ окунались съ головой лишь немногіе—наиболѣе искреннія и страстныя натуры, національныя особенности которыхъ стерлись подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ исключительныхъ обстоятельствъ. Окунались въ него и тѣ, кто по случайнымъ же причинамъ былъ выбитъ изъ колеи болѣе или менѣе легальныхъ пріе-

мовъ революціонной дѣятельности. Кстати отмѣтимъ, что число террористовъ евреевъ сразу увеличилось, когда опредѣлилось, что при помощи бомбъ можно производить террористическіе акты на разстояніи, а, слѣдовательно, и съ большей безопасностью для преступниковъ.

Вообще, конечно, большая или меньшая степень безопасности замѣтно вліяла на степень и формы участія евреевъ въ революціи. Когда то тамъ, то здѣсь начинали принимать болѣе энергичныя мѣры противъ революціи, число явныхъ революціонеровъ изъ евреевъ быстро сокращалось. Но стоило правительству хоть на нѣкоторое время предоставить событія ихъ естественному теченію, какъ тотчасъ же чуть ли не всѣ евреи поголовно стали явными революціонерами.

Время послѣ 17-го октября и до московскихъ баррикадъ въ этомъ отношеніи сыграло любопытную роль: видя сравнительную безопасность, очень многіе евреи нажали педаль и зарвались. Потомъ они охотно вернулись бы назадъ. Но было поздно: они уже проявили себя, и имъ оставалось только окончательно порвать съ столь дорогой имъ легальностью.

Большое значеніе имѣла въ данномъ случаѣ и исторія бывшихъ въ разныхъ мѣстахъ еврейскихъ погромовъ. Оставимъ кадетамъ явно нелегкую задачу доказывать, будто бы еврейскіе погромы явились результатомъ правительственной провокаціи. Однако, если даже и допустить, что былъ моментъ, когда у нѣкоторыхъ администраторовъ могла явиться такая несчастная мысль и могли дѣлаться опыты къ ея существленію, то несомнѣнно и эта мысль, и эти опыты должны были только ослабить интенсивность антипатіи народныхъ массъ къ еврейству. И эта мысль, и эти опыты, какъ удостовѣряютъ сами же гг. Лопухинъ и князь Урусовъ, нынѣ состоящіе друзьями кадетовъ и кадетовъ-евреевъ въ особенности, были остановлены своевременно, а вѣрнѣе всего—существуютъ лишь въ области ихъ фантазіи...

Такъ или иначе, но погромы были, и нѣкоторые изъ нихъ приняли отвратительно жестокія формы. На почвѣ этихъ погромовъ, а главное—слуховъ о нихъ, образовалась такъ называемая еврейская самооборона. Получалось оружіе, формировались особые баталіоны еврейской молодежи, учились стрѣлять. Естественно, что извѣстная часть этой молодежи постепенно опустилась на самое дно бомбистическаго болота...

Мы далеко не исчерпали вопроса, но мы и не задавались этой цѣлью. Мы хотѣли только разъяснить, что не все интеллигентное еврейство вошло въ кадетскую партію. Этимъ самымъ мы точнѣе опредѣлили ту его часть, которая присоединилась къ кадетамъ. Кто же составляетъ эту часть? Во-первыхъ, тѣ евреи, которые имѣли революціонное прошлое, но во-время замяли его; во-вторыхъ, тѣ, кто и сейчасъ одной ногой въ революціонномъ болотѣ; въ-третьихъ, тѣ, кто мыслью и симпатіями тамъ, гдѣ фабрикуютъ бомбы, убиваютъ городовыхъ, рѣжутъ почталіоновъ, но тѣломъ, паспортомъ въ рядахъ такъ называемой революціонной опозиціи, т. е. тѣ, кто, сколько не видитъ мѣстный квартальный офицеръ, пекутъ выборгскіе кренделя.

Въ лѣвыя группы кадетовъ входятъ, однако, не одни евреи. Тутъ и поляки, и армяне, и нѣкоторые природные русскіе. Но именно только нѣкоторые. Можно сказать, что они чуть ли не всѣ и всѣмъ одинаково извѣстны на-перечетъ. По преимуществу адвокаты, журналисты и педагоги по профессіи, соціалисты по убѣжденіямъ, люди съ революціоннымъ прошлымъ, съ опредѣленными революціонными связями, застрявшіе въ рядахъ кадетовъ и не пошедшіе въ глубь лѣвыхъ партій только потому, что они слишкомъ интеллигенты, чтобы не сообразить всѣхъ выгодъ такого серединнаго положенія.

Не станемъ называть имена и напоминать всѣмъ давно извѣстные факты. Напомнимъ лишь ту основную ноту, которая звучала въ цѣломъ рядѣ предвыборныхъ рѣчей и

думскихъ заявленій этихъ кадетовъ. «Мы здѣсь, въ Думѣ,— говорили они, — а наши товарищи тамъ, въ ссылкѣ, въ каторгѣ, въ крѣпостяхъ. Разница между нами только та, что мы оказались счастливѣе ихъ...»

Это говорилось отъ имени цѣлой партіи, вѣрнѣе отъ цѣлой группы этой партіи; говорилось, слѣдовательно, не случайно; говорилось къ тому же не на митингѣ, гдѣ, быть можетъ, легко и увлечься, а въ Думѣ. Скажемъ больше: мы считаемъ, что это заявленіе было однимъ изъ немногихъ кадетскихъ заявленій, которое слѣдуетъ считать вполнѣ искреннимъ.

Итакъ, мы ужъ знаемъ, что такое лѣвое крыло кадетовъ. Это—изнанка той программы, лицевую сторону которой представляетъ собою правое крыло. Это та агентура, при помощи которой кадетскій центръ нащупываетъ свои шансы въ революціонномъ подпольѣ и при помощи котораго, съ другой стороны, дѣлаетъ свои наиболѣе бѣшеныя атаки на уравновѣшенную часть общества.

Въ этомъ же уголкѣ кадетской партіи подготавливаются директивы, которые потомъ, правда, всегда урѣзываются центромъ, но не считаться съ которыми центру нельзя. Для центра это лѣвое крыло своего рода кнутъ, и кнутъ не изъ очень деликатныхъ, какъ, напримѣръ, показало все то, что произошло среди кадетовъ послѣ Гельсингфорскаго съѣзда.

Если правое крыло можно сравнить съ воробьемъ, котораго провели на мякинѣ, а центръ съ волкомъ въ овечьей шкурѣ, то лѣвое крыло, конечно, нельзя сравнить ни съ чѣмъ, какъ только съ гіеной, которая питается трупами и, въ зависимости отъ того, больше труповъ или меньше, воетъ съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ, съ большей или меньшей энергіей. Трупы — работа другихъ, но вакханалію надъ этими трупами устраиваютъ они...

Можно смѣло сказать, что между правыми и лѣвыми кадетами почти нѣтъ ничего общаго. Во всякомъ случаѣ, общаго мало. Они и на разныхъ языкахъ говорятъ, и къ

разному стремятся, и разный у нихъ обликъ. Встрѣчаясь на одномъ собраніи, эти двѣ различныхъ особи одной и той же политической партіи должны дѣлать надъ собой большія усилія, чтобы до чего нибудь договориться. Если правые кадеты въ большинствѣ случаевъ просто не понимаютъ замысловъ своего центра и идутъ за нимъ болѣе или менѣе безсознательно, то лѣвые не понимаютъ нерѣшительности и колебаній центра. Съ ихъ точки зрѣнія, давно пора приступить совсѣмъ къ инымъ пріемамъ борьбы, но, конечно, руками... праваго крыла. Съ ихъ точки зрѣнія, центръ слишкомъ мудритъ, не сознавая своей истинной силы, и не умѣетъ сдѣлать надлежащій рѣшительный натискъ, но, конечно, этотъ натискъ долженъ быть сдѣланъ силами... праваго крыла.

Когда въ Гельсингфорсѣ центръ, подъ давленіемъ праваго крыла, сталъ на всѣхъ парахъ отступать отъ лозунговъ выборгскаго воззванія, лѣвое крыло пришло въ совершенное раздраженіе. Какъ! Въ рукахъ центра такая блестящая возможность поиграть чужими головами, а онъ отступаетъ? Напрасно центръ изворачивался, стараясь отстраниться отъ ударовъ, которыми щедро награждали его слѣва. Центръ всетаки получилъ полную порцію и долженъ былъ пойти на уступки. «Расколъ!..» — пронеслось въ воздухѣ, и центръ испуганно заметался. Заметался и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ влѣво. Но расколъ все-таки произошелъ. Быть можетъ, въ концѣ концовъ, онъ и не серьезенъ, этотъ расколъ, потому что лѣвому крылу все равно некуда податься лѣвѣе. Однако, роль лѣваго крыла партіи опредѣлилась въ этомъ случаѣ уже окончательно...

IV.

Центральную группу партіи народной свободы мы сравнили съ волками въ овечьей шкурѣ. При всей банальности такого сравненія, оно, какъ, можетъ быть, ни-

какое другое, опредѣляетъ истинную сущность той политической группы, о которой мы говоримъ.

Если бы эта группа честно и откровенно заявила обществу, чего именно она добивается, она могла бы въ однихъ вызвать сочувствіе, въ другихъ—несочувствіе; но, во всякомъ случаѣ, она ни въ комъ не вызвала бы того вполнѣ естественнаго негодованія, которое обязательно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о лицемѣрахъ, о людяхъ, изъ сознательной лжи сдѣлавшихъ основной пріемъ своей политической тактики.

Чтобы не быть постоянно только лжецами, имъ слѣдовало безъ всякихъ оговорокъ и колебаній заявить: «Да, мы — революціонеры, если только подъ этимъ именемъ можно понимать людей, стремящихся къ рѣшительному государственному перевороту, къ превращенію Россіи въ буржуазную республику, къ передачѣ власти изъ рукъ исторически сложившихся правящихъ круговъ въ наши руки, т. е. въ руки болѣе или менѣе обезпеченныхъ представителей средняго общественнаго класса, поскольку вообще можно говорить о такомъ классѣ въ Россіи. Да, мы—революціонеры,—должны были бы они сказать,—потому что мы въ своихъ стремленіяхъ не остановимся ни передъ какими преградами, будь это законы, традиціи, предразсудки, будь это даже кровь ни въ чемъ неповинныхъ людей. Да, мы—революціонеры, но мы были ими и тогда, когда Россія, какъ страна, еще спала подъ гнетомъ деспотизма и, можетъ быть, даже не замѣчала его. И мы будемъ революціонерами всегда, пока не добьемся своего».

Все это слѣдовало бы имъ сказать во всеуслышаніе, твердо и прямо. И, конечно, слѣдовало бы сказать давно, во всякомъ случаѣ еще тогда, когда они, послѣ предварительныхъ развѣдокъ и рекогносцировокъ, наконецъ, рѣшили объявить себя особой политической партіей.

Но, конечно, это не случайность, что они не сдѣлали подобнаго заявленія. Не случайность и то, что они сдѣлали рядъ заявленій какъ разъ противоположнаго содер-

жанія, а, сдѣлавъ ихъ, съ настойчивостью, иногда рѣшительно комической, любили и любятъ возвращаться къ нимъ. Особенно, если ихъ припрутъ къ стѣнѣ...

Вспомнимъ, какъ шли событія. Тѣ, кто составляетъ теперь центръ партіи, съ очень молодыхъ лѣтъ уже примкнули къ русской революціи. Кто раньше, кто позже, но большинство ихъ въ той или иной формѣ уже издавна пробуетъ свои силы на революціонномъ поприщѣ. Напримѣръ, И. И. Петрункевичъ уже въ 1879 году былъ подвергнутъ административной карѣ, Ѳ. И. Родичевъ — въ 1894 г., кн. Д. И. Шаховской — въ 1897 г., П. Н. Милюковъ — съ года выступленія своего на общественную арену и т. д., и т. д. Не стоитъ перечислять всѣхъ потому что, въ сущности, кто этого не знаетъ??!...

Революціонныя стремленія у каждаго изъ нихъ, соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ, конечно, достигали различной силы. Но всѣ они сходились въ одномъ: по возможности сохранять себя для легальной дѣятельности, такъ какъ Россія, какъ они прекрасно понимали, не страна заговоровъ. Они не проводили рѣзкой границы между своими планами и планами заговорщиковъ, потому что этимъ они только ослабляли бы самихъ себя. Но, съ другой стороны, они не принимали, въ качествѣ единаго цѣлаго, непосредственнаго участія въ заговорахъ.

Съ ихъ точки зрѣнія, заговорщики никогда ничего не достигнутъ. Въ лучшемъ случаѣ расшевелятъ массы и создадутъ волну, которая будетъ опасна существующему строю, но въ значительной мѣрѣ будетъ опасна и имъ. Слѣдовательно, тактика опредѣлялась сама собой: до поры до времени не только сочувствовать, но и содѣйствовать заговорамъ; однако, все время помнить, что можетъ наступить рѣшительное столкновеніе между заговорщиками и ими; въ послѣднюю же минуту отречься отъ заговорщиковъ.

Старый девизъ стремящейся къ власти буржуазіи: все черезъ революцію, чтобы потомъ все обратить противъ революціи...

Осѣвъ вездѣ, гдѣ только можно было найти болѣе или менѣе удобную почву для проведенія въ жизнь своихъ стремленій, эта группа, въ общемъ, весьма малочисленная, то увеличивавшаяся, то уменьшавшаяся въ числѣ, вела агитацію всегда съ той энергіей, какую дозволяли обстоятельства. Три сферы дѣятельности были предметомъ ея особенныхъ стремленій: земство, профессура и пресса. Болѣе состоятельныя лица, у которыхъ былъ цензъ, проходили въ земскія должности по выбору; менѣе состоятельные служили въ земствѣ по вольному найму. Первоначально дирижерская палочка была у тѣхъ, кто служилъ по выборамъ; постепенно она перешла къ тѣмъ, кто служилъ по вольному найму. Но задачи были общія, поэтому въ большинствѣ случаевъ обѣ эти группы мирно уживались другъ съ другомъ. Если временами «третій» элементъ шелъ значительно дальше, чѣмъ того хотѣли земцы, то послѣдніе, со свойственной имъ эластичностью, находили исходъ въ основныхъ началахъ своей тактики. «Что же? — разсуждали они. — Пусть пробиваютъ своими головами стѣны, если хотятъ. Мы — не помѣха. А придетъ время—мы сумѣемъ каждому указать его мѣсто».

Пресса была подъ строгимъ присмотромъ цензуры. Но какова бы ни была цензура, ее можно при извѣстной ловкости и обойти. Тѣмъ болѣе, что наша цензура всегда главнымъ образомъ набрасывалась на слова и проглядывала мысли. Рядъ лѣтъ, неустанно, изо дня въ день, въ общественное сознаніе внѣдрялись мысли, имѣвшія все ту же и всегда одну и ту же цѣль: возбудить недовѣріе къ правительству, какъ къ строю, знаменующему собою произволъ и безправіе, и вселить стремленіе къ свободѣ. Къ какой? Объ этомъ не думалось. Чѣмъ болѣе широкой и безграничной казалась бы обществу та свобода, къ которой надлежитъ стремиться, тѣмъ лучше. И опять надъ всѣмъ царила мысль: «ничего, только бы раскачать, а тамъ справимся, сумѣемъ ввести въ границы».

Кто изъ этой группы попадалъ на каѳедру, велъ ту же линію. Говорилъ ли онъ о строеніи черепахи, училъ ли разницѣ между русскимъ государственнымъ строемъ и прелестями народоправства, говорилъ ли онъ о строеніи корней какого-нибудь растенія,—всегда и вездѣ бросались въ умы молодежи сѣмена презрѣнія и ненависти къ существующему порядку вещей и жажды иного порядка, при которомъ наступилъ бы золотой вѣкъ правды и свободы.

И путемъ земства, и путемъ прессы, и путемъ университетскаго преподаванія старательно создавалась та атмосфера недовольства и раздраженія, которая должна была привести прежде всего къ двумъ слѣдствіямъ: къ «переоцѣнкѣ цѣнностей», т.-е. къ отказу отъ всего, что такъ или иначе отдавало традиціей, привычкой, а, слѣдовательно, мѣшало вкорененію новыхъ началъ, во-вторыхъ, къ естественной увѣренности, что на смѣну стараго порядка уже готовъ новый и что, во всякомъ случаѣ, уже опредѣлялись лица, которыя лучше другихъ могли бы осуществить такой новый порядокъ.

Борьба въ этомъ направленіи велась самая упорная, но, конечно, главнымъ образомъ, глухая. То, что проявлялось во внѣ, имѣло всегда такой характеръ, будто рѣчь идетъ сравнительно о невинныхъ вещахъ. Напримѣръ, земство боролось противъ всякаго губернатора, который принималъ мѣры противъ скопленія на земской службѣ революціонныхъ элементовъ; пресса боролась противъ всякаго мѣропріятія правительства, которое могло имѣть слѣдствіемъ ослабленіе революціонныхъ настроеній; профессора же того направленія, о которомъ мы говоримъ, возбуждали молодежь къ революціоннымъ мыслямъ и даже поступкамъ. Но никогда ни земство, ни пресса, ни профессура не высказывались до конца. Наоборотъ, они сосредоточивали силу ударовъ на отдѣльныхъ лицахъ, на частностяхъ, словомъ, вели борьбу такъ, что создавалось впечатлѣніе, будто правительство упрямо держится за на-

кія-то мелочи, за что-то, что, въ сущности, не стоитъ никакого вниманія, чѣмъ правительство только еще и еще разъ доказываетъ свой произволъ и обскурантизмъ.

Это былъ прекрасный маневръ, потому что такимъ путемъ дѣйствительно легче всего воздѣйствовать не только на общество, но и на само правительство. Весьма многіе изъ лицъ, въ разное время составлявшихъ правительство, конфузились при первомъ же подобномъ натискѣ и охотно шли на уступки. А вѣдь къ этому только и стремились.

Вся борьба велась по плану и во имя такихъ постепенныхъ уступокъ. Положимъ, въ данномъ уѣздѣ имѣлась почва для агитаціи среди крестьянъ. Земскіе заправилы отвоевывали у мѣстной власти двухъ-трехъ агитаторовъ, эти агитаторы со всѣхъ концовъ стягивали цѣлую армію подручныхъ; если власть начинала безпокоиться,—дѣлались немедленно всевозможныя представленія, имѣвшія цѣлью или умалить это обстоятельство, или, наоборотъ, вызвать рѣшительный разрывъ. Если власть уступала, земскіе заправилы съ арміей агитаторовъ шли дальше, все дальше. Если происходилъ разрывъ, въ ходъ пускалась пресса. Создавалось положеніе, при которомъ всюду въ обществѣ начинали говорить, что данный представитель власти «не на мѣстѣ», «не умѣетъ ладить», «обостряетъ положеніе». Кончалось тѣмъ, что этимъ же взглядомъ проникалось и правительство, и лицо убирали. Если же рѣчь шла не о лицѣ, а о мѣропріятіи, то поднимался шумъ въ газетахъ, журналахъ, въ гостиныхъ, вездѣ, гдѣ только можно. Проходило нѣкоторое время, и требуемая уступка дѣлалась...

Съ годами опредѣлился кругъ лицъ, который на почвѣ такой и ей подобной борьбы пріобрѣлъ особую цѣнность. Это была извѣстность весьма широкая и къ тому же такая, которая успѣла проникнуть въ самую глубь правительственныхъ сферъ. Тамъ, правда, неохотно сознавались, что готовы не сегодня-завтра начать считаться съ этой извѣстностью, но несомнѣнно уже считались съ ней. Тамъ никто не говорилъ, да и не думалъ о томъ, что не

сегодня-завтра могутъ случиться обстоятельства, когда общество вдругъ назоветъ всѣхъ этихъ лицъ и сосредоточитъ вокругъ нихъ свое вниманіе. Тамъ, если угодно, еще только иронизировали надъ этой извѣстностью, но какой-то внутренній голосъ временами подсказывалъ, что, пожалуй, слѣдуетъ не только иронизировать.

Вопросъ рѣшила война. Тяжелая, грустная, такая, воспоминаніе о которой еще долго будетъ вызывать боль въ сердцѣ каждаго русскаго,—эта война создала настроенія, которыя ждали только перваго толчка. Кому же и было взять на себя обязанность дать такой толчокъ, какъ не этой уже опредѣлившейся группѣ лицъ?

Тѣмъ болѣе, что къ описываемому моменту эта группа уже не представляла собой только разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ единомышленниковъ, а была уже организованнымъ сообществомъ. Мы не пишемъ изслѣдованія. Наши очерки—листки изъ памятной книжки. Мы, поэтому, не видимъ надобности въ послѣдовательномъ изложеніи событій, во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Скажемъ только, что и земство, и пресса, и профессура, выдвигая различныхъ дѣятелей того направленія, о которомъ мы говоримъ, нѣсколько лѣтъ назадъ привела ихъ къ мысли образовать организованный союзъ. Назывался онъ «союзомъ освобожденія», имѣлъ своимъ органомъ заграницей «Освобожденіе», а въ Петербургѣ журналъ «Право» и рядъ органовъ въ провинціи. Г. Струве со своимъ «Освобожденіемъ» шелъ впереди съ барабаннымъ боемъ, съ распущеннымъ знаменемъ, а «Право» и провинціальныя газетки дѣлали то же дѣло безъ барабаннаго боя и безъ распущеннаго знамени, но дѣлали его упорно, изо дня въ день воюя съ губернаторами, съ цензурой, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, дѣлая невинныя лица, когда имъ ставились опредѣленныя рамки, быстро продвигаясь впередъ, когда вниманіе къ нимъ ослабѣвало...

Когда опредѣлилось, что неудачная война подѣйствовала угнетающе не только на общество, но и на прави-

тельство, которое казалось почти растерявшимся и уже во всякомъ случаѣ произвело впечатлѣніе правительства, готоваго на уступки болѣе, чѣмъ когда либо раньше, этотъ союзъ сказалъ себѣ: «пора» и двинулся въ путь.

Но какъ? Честнымъ, смѣлымъ, прямымъ заявленіемъ? Конечно, нѣтъ. Онъ, во-первыхъ, не ждалъ, что моментъ наступитъ такъ скоро, и моментъ, слѣдовательно, засталъ его нѣсколько врасплохъ; во-вторыхъ, онъ, по самому свойству своей предшествовавшей практики, привыкъ расчищать всякій путь для себя не иначе, какъ чужими головами; въ-третьихъ, онъ боялся какимъ нибудь рѣшительнымъ шагомъ связать себя опредѣленными обязательствами и этимъ лишиться возможности дѣйствовать сообразно обычной своей тактикѣ: во всемъ, глядя по обстоятельствамъ...

Союзъ выступилъ въ качествѣ негласнаго организатора съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Душой съѣзда былъ союзъ, но съ внѣшней стороны эти съѣзды должны были быть голосомъ всей земской Россіи, голосомъ важнѣйшей части Имперіи, ея выборныхъ людей. На эту наживку общество, какъ извѣстно, клюнуло. Тогда ловкимъ маневромъ въ организацію ввели уже и не земскихъ людей изъ числа своего же «союза», расширили программу, привлекли къ дѣлу массу лицъ, параллельно повели организацію крестьянскаго съѣзда, пустили въ ходъ свои связи налѣво и направо, связали въ одинъ узелъ «чертей съ младенцами», затрубили во всѣ газетныя трубы, а остальное... Остальное у всѣхъ на памяти...

Вотъ въ этотъ то моментъ и образовалась кадетская партія, какъ партія. Союзъ «Освобожденія» сталъ въ центрѣ; слѣва онъ пристегнулъ къ себѣ всѣ свои революціонныя связи, а по правую руку отъ себя сталъ энергично собирать всѣхъ, кого могъ, числомъ поболѣе, цѣною подешевле...

Лѣвые, конечно, пошли бы къ нимъ на зовъ и тогда, когда они прямо объявили бы, къ чему стремятся. Это

ясно; ибо мы видимъ, что они пошли, несмотря на то, что они объявили какъ разъ только то, къ чему не стремятся. Но правые? Въ этомъ-то и былъ вопросъ. Между тѣмъ основная сила въ правыхъ. Для нихъ-то и пришлось вырабатывать пресловутую кадетскую программу...

Но кто же всетаки тѣ, кто составляетъ этотъ кадетскій центръ?

V.

Кто же, наконецъ, эти основныя, эти главныя силы кадетскаго центра?

Во главѣ стоитъ, конечно, П. Н. Милюковъ. «Признанный глава партіи»—говорятъ о немъ и тогда, когда собираются превозносить его, и тогда, когда собираются посмѣяться надъ нимъ. Двухъ мнѣній о его прекрасныхъ работахъ по исторіи финансовъ Московскаго государства быть не можетъ. Это образцовыя работы. Онъ выступалъ еще въ качествѣ историка русской культуры, но ученый міръ давно установилъ, что, если первый выпускъ его «Очерковъ» заслуживаетъ самаго широкаго вниманія, то уже второй—неизмѣримо легкомысленнѣе, а все, что онъ писалъ потомъ, не стоитъ добраго слова. Очевидно, именно въ это время онъ бросилъ заниматься наукой, какъ наукой, и усмотрѣлъ въ ней лишь одно изъ средствъ политической борьбы.

Глава партіи, тотъ, кто имѣлся въ виду для роли ни болѣе ни менѣе, какъ предсѣдателя совѣта кадетскихъ «фютюръ-министровъ»—это обязываетъ. Мы не можемъ отнестись къ нему, какъ къ какому нибудь бывшему камеръ-юнкеру, вродѣ Набокова, или какъ къ какому нибудь «масону», какъ г. Кедринъ. Если человѣкъ не только заставилъ о себѣ говорить цѣлую партію, но сдѣлался предметомъ интереса даже для европейскихъ политическихъ журналистовъ (правда, особаго рода), то все-таки, значитъ, что то есть въ этомъ человѣкѣ.

Что же именно? Его знаніе исторіи Московскаго царства? Но именно это знаніе ни во что не цѣнится ни самой партіей, ни тѣми, кто готовъ льстить кадетамъ. Наоборотъ. Такое знаніе только мѣшаетъ г. Милюкову, ибо очень часто останавливаетъ его какъ разъ тамъ, гдѣ гг. Кокошкины и Гредескулы съ Мандельштамами, какъ люди, абсолютно ничего не знающіе, только бы и начали продѣлывать всякаго рода политическія антраша. Но что же въ такомъ случаѣ?

Его безупречность, какъ нравственной величины—отвѣчаютъ обыкновенно его друзья.—Его здравый и ясный умъ, его умѣнье разбираться въ обстоятельствахъ, его политическій тактъ....

Совершено вѣрно. Г. Милюковъ во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодно отличается отъ огромнаго, подавляющаго большинства своихъ друзей. Во-первыхъ, онъ никогда не былъ присяжнымъ повѣреннымъ. А это ужъ огромная презумпція въ его пользу. Слѣдовательно, онъ не долженъ былъ, ради крупнаго заработка, какъ, напримѣръ, г. Муромцевъ, спеціализироваться по конкурснымъ дѣламъ или, одной рукой подписывая освободительныя программы, другой рукой, какъ тотъ же г. Муромцевъ, доказывать правительству, что, во имя государственной церкви, слѣдуетъ еще немного поприжать старообрядцевъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, ни въ какомъ отношеніи не долженъ былъ подражать г. Кедрину и не съ него написалъ бы покойный Щедринъ своего безсмертнаго Балалайкина. Онъ, наконецъ, никогда не зарабатывалъ свой хлѣбъ насущный, слѣдуя примѣру г. Винавера, въ свое время весьма бойкаго «помощничка», умѣвшаго изъ-подъ земли добыть дѣльце-другое.

Во-вторыхъ, онъ вступилъ въ ряды «освободителей» не съ того момента, съ котораго увидѣлъ себя «такъ или иначе» обезпеченнымъ и независимымъ. Онъ былъ и остался необезпеченнымъ интеллигентнымъ работникомъ, живущимъ только своимъ заработкомъ. Пресловутое, «такъ

или иначе», видимо, никогда его не соблазняло. Если у г. Петрункевича, бѣднаго черниговскаго дворянина, вдругъ оказалось по женѣ состояніе гр. Паниныхъ, а у г. Набокова благороднаго, но небогатого правовѣда, — состояніе Рукавишникова и т. д., и т. д., то у г. Милюкова, наоборотъ, раньше была кафедра, а потомъ, когда онъ заявилъ свои политическія убѣжденія, онъ потерялъ ее.

Въ-третьихъ, наконецъ, г. Милюковъ никогда не высказывалъ не малѣйшаго желанія, путемъ того или иного, но болѣе или менѣе скромнаго компромисса учесть свои политическіе взгляды у правительства, безъ оборота на свое прошлое. Этимъ могутъ похвалиться далеко немногіе изъ числа его друзей, особенно изъ числа его новыхъ друзей, которые, какъ мелкіе хищные рыбешки, то тамъ поплаваютъ, то тутъ поплаваютъ, то тамъ потянутъ воду, то тутъ потянутъ, и все ищутъ, гдѣ бы имъ, наконецъ, поживиться.

Слѣдовательно, съ точки зрѣнія обыденной, не политической нравственности, г. Милюковъ — рѣдкое и пріятное исключеніе. У него, напримѣръ, нѣтъ даже такого имѣнія, которое онъ могъ бы подъ шумокъ ликвидировать, гдѣ бы онъ могъ подъ шумокъ держать кабаки, или гдѣ бы среди крестьянъ онъ пользовался такой опредѣленной репутаціей, какой, напримѣръ, пользуется г. Евг. де Роберти, «профессоръ соціологіи» всѣхъ европейскихъ, американскихъ и австралійскихъ университетовъ, изъ всѣхъ соціологическихъ законовъ изучившій лишь законъ о постепенномъ наростаніи капитала, ежели таковой надлежаще помѣщенъ.

Повторяемъ, въ этомъ именно смыслѣ г. Милюковъ безупреченъ. Но его политическая нравственность? Тутъ, конечно, передъ нами крайне сложная задача. Для рѣшенія ея намъ необходимо знать не только то, что знаетъ о себѣ самъ г. Милюковъ, но и значительно больше, чѣмъ онъ самъ о себѣ знаетъ. Къ счастью, передъ нами выписки изъ его статей и рѣчей почти за цѣлый годъ.

Такой матеріалъ безусловно опредѣляетъ, что именно въ теченіе послѣдняго года г. Милюковъ считалъ нравственно допустимымъ для партіи, которой онъ управляетъ, и, во всякомъ случаѣ, даетъ твердое основаніе для рѣшенія вопроса о томъ, что г. Милюковъ вообще считаетъ политически нравственнымъ.

На съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ, наканунѣ образованія кадетской партіи, г. Милюковъ «кооптированный» въ составъ бюро, иначе сказать—свалившійся, какъ снѣгъ на головы земцевъ и думцевъ, проводилъ мысль о необходимости конституціонной монархіи, на условіи свободъ и автономій. Когда его спрашивали, какъ далеко идетъ онъ въ своихъ лозунгахъ, онъ очень осторожно отводилъ всякіе разговоры о томъ, что, въ сущности, добивается республики. Онъ, вообще говоря, старался держаться такой почвы, будто рѣчь идетъ только о реформахъ во имя улучшенія правительственной машины. Это, однако, не мѣшало ему нѣсколько погодя въ цѣломъ рядѣ политическихъ митинговъ забрасывать удочки совсѣмъ въ другую сторону. Но г. Милюковъ продолжалъ придерживать свои карты закрытыми.

Въ это время событія пошли болѣе быстрымъ темпомъ. Не зная, пора или еще не пора обнаружить большую смѣлость, г. Милюковъ, съ одной стороны, принимаетъ участіе въ тайномъ соглашеніи съ поляками, съ другой стороны, обнадеживаетъ на одномъ изъ митинговъ армянъ, поднявшихъ тогда рѣзню на Кавказѣ, съ третьей стороны, усиленно хлопочетъ, чтобы крайнія революціонныя партіи не зарывались, давая имъ въ цѣломъ рядѣ статей понять, что они слишкомъ неразсчетливы. Одобрялъ ли онъ дѣятельность этихъ партій? Конечно, и даже очень одобрялъ, поскольку она расчищала почву для его комбинацій. Онъ боялся лишь одного: зарвутся, молъ, глупые, и тогда опять начнется реакція.

Это былъ моментъ, когда всѣ громы метались противъ бюрократіи, но идею непосредственнаго единенія Царя съ

народомъ берегли и лелѣяли. Достаточно сказать, что такой чистый и чуткій человѣкъ, какъ покойный князь С. Н. Трубецкой, слушая г. Милюкова, былъ убѣжденъ, что онъ съ нимъ единомышленникъ. А вѣдь покойный князь С. Н. Трубецкой принципіально отрицалъ терроръ. «Царь и народъ»—говорили тогда тѣ, на комъ преимущественно покоилось общественное вниманіе. Г. Милюковъ взялъ на себя роль посредника между ними и революціонной толпой и, говоря вмѣстѣ съ одними «Царь и народъ», говорилъ другимъ: «Да, конечно, только народъ, но подождите».....

Событія пошли еще болѣе быстрымъ темпомъ. Подготавливалась всеобщая забастовка. Въ успѣхъ ея г. Милюковъ не вѣрилъ и не скрывалъ этого. Но онъ понималъ, что, если бы онъ высказался рѣшительно, онъ подвергся бы опасности потерять нужныя ему и цѣнныя связи. Онъ, поэтому выжидалъ. Его рѣчи потеряли вдругъ всякое содержаніе, да и вообще онъ еще болѣе сталъ избѣгать опредѣленныхъ отвѣтовъ. Онъ, впрочемъ, придумалъ довольно удачный способъ выйти изъ затрудненія: повсюду являлся не иначе, какъ съ г. Родичевымъ. Этотъ говорилъ, а г. Милюковъ сосредоточенно слушалъ, улыбался, привѣтливо кивалъ головой направо и налѣво. А вѣдь г. Родичевъ такой, что можетъ все сказать, даже то, о чемъ за минуту передъ тѣмъ и не думалъ, а черезъ минуту навѣрное забудетъ. Такимъ образомъ, получалось впечатлѣніе, что г. Милюковъ, хоть и не говоритъ, а сочувствуетъ. Если же г. Милюкову нужно было достичь какъ разъ обратнаго впечатлѣнія,—у него и на это было средство: вѣдь говорилъ не онъ, а г. Родичевъ.

Но забастовка «удалась». Пріятная неожиданность для г. Милюкова! Онъ оживился и засуетился. Онъ понялъ, что пролетарскіе вожди будутъ приписывать побѣду себѣ и рано или поздно, но непремѣнно обрушатся на либеральную буржуазію. Что дѣлать? Прежде всего—осмѣлѣть. Но пора ли?

Съ разныхъ сторонъ кричали: «Пора!» Г. Милюковъ пересталъ колебаться: онъ заговорилъ о «захватномъ правѣ», готовъ былъ войти хотя бы въ составъ совѣта рабочихъ депутатовъ и.... вошелъ въ комбинацію съ г. Пропперомъ...

Надо понимать, что такое г. Пропперъ, этотъ независимый г. Пропперъ, столь гордо отъ имени русской печати отказавшій графу Витте въ довѣріи (хотя давно ли считалъ для себя цѣннымъ близость къ министерству финансовъ?)—надо понимать это, чтобы оцѣнить всю трагикомедію такого политическаго шага г. Милюкова.

Увы! Г. Милюковъ и тутъ не разсчиталъ момента и попалъ подъ запрещеніе, которое потомъ помѣшало ему войти въ первую Думу. Но уже начиналась предвыборная борьба. Надо было во что бы то ни стало образовать и укрѣпить партію. Какой же избрать путь? Прежде всего г. Милюковъ занялся приноровленіемъ программы къ моменту. Ничто крайнее не было вычеркнуто изъ нея и, если угодно, кое-что было даже усилено. Но это крайнее не мѣшало включенію въ программу началъ, спеціально принятыхъ для умѣренныхъ. А чтобы не такъ былъ замѣтенъ фокусъ, г. Милюковъ прикрылъ его новымъ названіемъ партіи.

«Партія народной свободы»!.. Звучитъ гордо, независимо, вызывающе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ровно ни къ чему не обязываетъ. Названіе на всѣ вкусы и оттѣнки вкусовъ. Тутъ же началась и соотвѣтствующая агитація.

Вотъ описаніе одного изъ такихъ предвыборныхъ собраній, на которомъ намъ лично пришлось присутствовать. Довольно большой залъ, биткомъ набитый народомъ. Всѣ первые ряды заняты евреями и еврейками; за ними, вплоть до самой стѣны и цѣлой толпой у входныхъ дверей,—приказчики, конторщики, писцы, прислуга, рабочіе, конечно, нѣсколько чиновниковъ министерства финансовъ, двѣ—три городскихъ дамы. За столомъ г. Карѣевъ, который, очевидно, въ эту минуту обдумывалъ, какой изъ новыхъ книгоиздательскихъ фирмъ выгоднѣе продать написанныя

имъ за два вечера наканунѣ четыре новыхъ книги для самообразованія грудныхъ младенцевъ; съ нимъ рядомъ озабоченный г. Милюковъ; небрежно-великолѣпный г. Набоковъ, откинувшись на спинку кресла, любовался своей независимой позой и, должно быть, думалъ: «Чортъ возьми, революція-революціей, а когда же наконецъ, власть»?!.....

Говоритъ, само собою разумѣется, г. Родичевъ. Что именно? Ахъ, это трудно сказать. Онъ говоритъ о произволѣ, о трупахъ разстрѣленныхъ 9-го января, кровь которыхъ не даетъ ему спать, о генералъ-губернаторахъ, о евреяхъ, о рѣзнѣ въ Баку. Не успѣлъ онъ кончить и раскланятся, какъ изъ перыхъ рядовъ вылѣзъ весьма носастый господинъ. «Я еврей!—заявилъ онъ,—очевидно, я—распубликанецъ». И пошелъ..... Прежде всего онъ обвинилъ г. Родичева въ буржуазности настроеній, потомъ заявилъ, что требуетъ отъ кадетовъ честнаго отвѣта на вопросъ: за монархію они или за республику? Наконецъ, воскликнулъ: «Долой буржуазію! Да здравствуетъ самодержавный русскій народъ!...»

Громъ аплодисментовъ. Г. Милюковъ встревожился. Уже г. Родичевъ хотѣлъ встать, чтобы вновь начать говорить то же самое, что онъ уже говорилъ сотню разъ и будетъ говорить еще столько же разъ. Но г. Родичевъ могъ бы разсердиться и дѣйствительно договориться до республики. Г. Милюковъ усадилъ его и выступилъ съ отвѣтомъ лично.

«Господа,—сказалъ онъ:—передъ нами, какъ свѣтлый лучъ, мелькнулъ мигъ молодости. Но мы, господа...»...

И отвѣтъ, въ концѣ концовъ, все-таки не былъ данъ. Но это не мѣшало Милюкову тутъ же, какъ только засѣданіе кончилось, доказывать тому же носастому оратору, что, въ сущности, конечно, кадеты—республиканцы, но нельзя же все сразу. Дума соберется не затѣмъ, чтобы повторять политическіе азы, повторять ихъ безъ практическихъ цѣлей. Дума овладѣетъ положеніемъ, и тогда.....

Не будемъ, однако, утомлять дальнѣйшими подробностями. Перенесемся прямо къ той минутѣ, когда кадеты уже одержали «блестящую побѣду», вступили въ Думу, устроили на средства кн. Бебутова (вѣрнѣе—его жены) политическій клубъ и, обставивъ себя нѣсколькими большими изданіями въ С.-Петербургѣ и десятками изданій въ провинціи, повели думскую кампанію. Что дѣлалъ въ это время г. Милюковъ? Въ Думу онъ не попалъ, такъ какъ былъ отстраненъ вмѣстѣ съ г. Гессеномъ, въ виду того, что находился подъ слѣдствіемъ; но онъ сидѣлъ въ Думѣ съ утра до ночи. Онъ руководилъ тактикой, онъ давалъ директивы, онъ назначалъ ораторовъ, онъ сдерживалъ однихъ и подстрекалъ другихъ.

Такъ какъ вся кадетская думская кампанія была, можно сказать, идеально безтактна и все время только вредила партіи, то теперь у большинства поклонниковъ г. Милюкова одно стремленіе:—доказывать, что г. Милюковъ не виноватъ, если его не слушались, что г. Милюковъ, наоборотъ, удерживалъ, воздерживалъ и т. д.

Это и такъ, и не такъ. Г. Милюковъ былъ и остался Милюковымъ: одной рукой сдерживалъ, а другой подстрекалъ. Подстегивая себя, удерживалъ другихъ, подстегивая другихъ, удерживалъ себя и, въ концѣ концовъ, только шелъ за событіями. Агитаторъ по всей своей сущности, онъ оказался сразу же не на высотѣ, когда потребовались совсѣмъ иныя способности. Понимая, что на немъ лежитъ отвѣтственность, онъ глядѣлъ во всѣ стороны. Но агитаторъ, незамѣтно для него самого, все время бралъ въ немъ верхъ надъ сознаніемъ этой отвѣтственности, и оказывалось, что если кто и толкалъ партію на ложные шаги, то именно больше всѣхъ онъ самъ.

Онъ понималъ, что не слѣдуетъ перегибать лукъ, но онъ не хотѣлъ ссориться и съ революціей. Вертясь между стремленіемъ дерзнуть и голосомъ благоразумія, онъ постепенно такъ осложнилъ положеніе, что провалилъ партію. Сначала въ Думѣ, потомъ и внѣ Думы.

Теоретически планъ г. Милюкова былъ обоснованъ недурно. Революція, терроръ, бомбистика создали почву; голосъ земской Россіи натолкнетъ на путь примиренія; чуть пріоткроется калитка—всѣ, кому не лѣнь, войдутъ черезъ нее; тутъ организованная группа другъ съ другомъ давно слѣвшихся людей начнетъ дѣйствовать на два фронта: однихъ будетъ сдерживать ласковыми улыбками, другихъ станетъ запугивать, а минутами однихъ будетъ пугать другими. При помощи права запросовъ, и вообще безконечнымъ рядомъ большихъ и маленькихъ скандаловъ будетъ уже не трудно поколебать довѣріе къ министерству и заставить его уйти. Въ то же время будетъ поднята буря общественнаго негодованія, а для большей вѣрности будутъ посѣяны сѣмена смуты въ деревняхъ и въ арміи. Неужели и при такихъ условіяхъ власть не перейдетъ въ руки тѣхъ, кто давно чувствуетъ себя готовымъ принять ее?!...

Но на практикѣ планъ потерпѣлъ рядъ серьезныхъ измѣненій. Скажемъ прямо: онъ не удался въ своихъ главныхъ частяхъ.

Кто же виноватъ въ этомъ? Не авторъ плана, а его исполнители? Но почему? Конечно, прежде всего авторъ. Вѣдь онъ самъ былъ режиссеромъ своей пьесы...

Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этому вопросу.

VI.

Слѣдующей по значенію «особой» кадетскаго центра является безспорно Ив. И. Петрункевичъ, самъ г. Петрункевичъ, «ipse», происходящій по женской линіи отъ гетмана Мазепы и по женской же линіи владѣющій огромнымъ имѣніемъ, великолѣпными конюшнями, и располагающій возможностью пользоваться роскошнымъ замкомъ на южномъ берегу Крыма. Это—основной запасный магазинъ кадетской «практики жизни», олицетвореніе кадетской

административно-полицейской находчивости и изворотливости, опытный проводникъ партіи по узкой-узкой тропинкѣ, отдѣляющей явно-запрещенное отъ неявно-дозволеннаго.

Партія относится къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ къ человѣку, который не дастъ увлечь себя пустяками, но и не помѣшаетъ другимъ увлекаться, если только этимъ онъ можетъ сохранить личное равновѣсіе. Онъ много лѣтъ шелъ такимъ путемъ и знаетъ всѣ его подводные камни и мели не хуже, чѣмъ англійскій лоцманъ знаетъ выходы изъ своего пролива. Г. Петрункевичъ столько времени дѣлалъ большую опозицію въ маленькомъ морѣ Тверского губернскаго и Новоторжскаго уѣзднаго земства, что теперь ему уже ничего не стоитъ дѣлать опозицію въ большомъ морѣ русскаго парламента. Тамъ, въ своемъ родномъ маленькомъ морѣ, онъ достигъ такого совершенства, что зналъ всегда впередъ, что̀ скажетъ всякая баллотировка, и всегда во-время могъ приходить на помощь или раздавать удары, если подсчеты казались ему неблагопріятными. Здѣсь уже онъ можетъ нѣсколько отдохнуть. Черную работу организатора и руководителя онъ уже сдалъ болѣе молодымъ. Самъ онъ, на правахъ «опозиціоннаго дѣдушки», бережетъ себя только для особыхъ случаевъ. Вспомните, когда онъ выступалъ въ Думѣ? Когда нужно было сдѣлать демонстрацію съ амнистіей и ею расплатиться по нѣкоторымъ срочнымъ счетамъ, предъявленнымъ кадетамъ со стороны террористовъ. Когда нужно было открыть походъ противъ декларацiи министерства и натравить «думскую молодежь» на И. Л. Горемыкина, какъ натравливаютъ собачекъ на крупнаго звѣря. Когда испуганный г. Милюковъ узналъ, что затѣянное генераломъ Кузьминымъ-Караваевымъ обращеніе Думы къ населенію большая и непростительная глупость и что надо спасать положеніе.

Кстати, любопытная подробность: г. Петрункевичъ и г. Кузьминъ-Караваевъ, хотя оба одинаково спятъ и видятъ, чтобы такъ или иначе доползти до портфелей, издавна другъ съ другомъ въ контрахъ. То, что называется—

друзья - враги. Г. Кузьминъ - Караваевъ былъ первымъ тверскимъ земцемъ, который осмѣлился сказать: «гм! Что же въ немъ особеннаго?» Можетъ быть, не будь въ Твери г. Петрункевича, г. Кузьминъ-Караваевъ былъ бы теперь красенъ только на половину. Онъ краснѣлъ съ каждымъ успѣхомъ г. Петрункевича, стараясь, по возможности, перещоголять своего главнаго и единственнаго конкурента. Но и г. Петрункевичъ не оставался въ долгу. Зная, что его противникъ особенно ярко отливалъ краснотой въ присутствіи дамъ, онъ именно въ такихъ случаяхъ и старался ставить г. Кузьмина-Караваева въ смѣшное положеніе. О, этого никогда не проститъ пресловутый генералъ! Недаромъ онъ даже не вошелъ въ составъ кадетскаго центра. Для двухъ «львовъ» нѣтъ мѣста въ одной клѣткѣ. Да вѣдь и для двухъ пауковъ въ одной банкѣ...

Г. Петрункевичъ говоритъ не очень красиво, но язвительно. Пишетъ онъ совсѣмъ нескладно, но не менѣе стараясь быть язвительнымъ. Когда онъ говоритъ, онъ имѣетъ видъ человѣка, который вотъ-вотъ забудется и самъ себя уязвитъ въ самое сердце. Конечно, это не г. Винаверъ, который, когда говоритъ о правительствѣ, и шипитъ, и свиститъ, и брыжжетъ слюной, и извивается, точно еще движеніе, и онъ бросится на дразнящаго его мстительное воображеніе врага. Г. Петрункевичъ все-таки сдержаннѣе. Каждую стрѣлу онъ сначала оттачиваетъ, потомъ медленно обмакиваетъ въ ядъ собственной желчи и затѣмъ уже пускаетъ, стараясь попасть прямо въ цѣль.

Г. Петрункевичъ особенно былъ нуженъ партіи во время земскихъ съѣздовъ. Тамъ онъ пускался въ ходъ на правахъ убѣленнаго сѣдинами земскаго дѣятеля, негодующій голосъ котораго долженъ былъ изображать голосъ русской земли. Онъ, кстати, былъ очень удобенъ для переговоровъ съ поляками. Дипломатическіе переговоры ему по душѣ, а съ поляками въ особенности. Какъ ни какъ, а все-таки, хоть и по женской линіи, есть родство съ Мазе-

пой, этимъ исторически извѣстнымъ мастеромъ вести дипломатическіе переговоры.

Старый, матерый агитаторъ, онъ въ настоящее время нѣсколько смущенъ. Земство подвело, ушло изъ рукъ, а портфель все-таки еще когда-то будетъ! Тѣмъ болѣе, что онъ съ грустью замѣчаетъ, какъ день ото дня дѣлается все болѣе и болѣе деркой молодежь и какъ много развелось и помимо него охотниковъ за портфелями. Однихъ Мандельштамовъ штукъ десять, не менѣе.

За г. Петрункевичемъ идетъ г. Муромцевъ. Великолѣпный г. Муромцевъ! Это тотъ самый, который много лѣтъ назадъ хорошо зналъ римское право, а теперь хорошо знаетъ парламентскіе обычаи. Человѣкъ съ видомъ большого барина, съ душой холодной, съ манерами строгими и выдержанными, съ лицомъ сфинкса. Но кадеты не смущались. Они твердо знали, что сфинксъ для остальныхъ, безпристрастный, когда идетъ рѣчь въ разрѣзъ съ интересами партіи, г. Муромцевъ никогда не подведетъ кадетовъ.

Въ свое время онъ былъ идеальнымъ предсѣдателемъ Московскаго юридическаго общества, всегда считался прекраснымъ предсѣдателемъ торговыхъ администрацій и конкурсовъ, со временемъ будетъ еще болѣе совершеннымъ предсѣдателемъ опозиціоннаго клуба. Какъ ораторъ, онъ никогда не отличался, но какъ изрекающій время отъ времени напыщенные афоризмы, онъ всегда былъ знаменитъ, а теперь даже въ Европѣ прославился.

Для большой дѣятельности онъ слишкомъ лѣнивъ, для мелкой—слишкомъ великолѣпенъ. Поэтому, дѣйствительно, какъ предсѣдатель Думы, онъ былъ вполнѣ на мѣстѣ. Дума надѣлала глупостей, но предсѣдатель... но предсѣдатель выше глупостей. Правда, онъ и самъ, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ... Нѣтъ, скажемъ иначе: подписалъ выборгское воззваніе. Но это была лишь расплата за успѣхъ афоризма о томъ, что Дума выше упрековъ...

Какъ жаль, что настоящій г. Муромцевъ никогда не признается, какого онъ мнѣнія о томъ великолѣпномъ г. Му-

ромцевѣ, который находилъ возможнымъ слушать рѣчи гг. Аладьина и Аникина и который кончилъ тѣмъ, что подписалъ выборгское воззваніе. Это было бы поистинѣ крайне цѣнное признаніе. И мы узнали бы, что настоящій г. Муромцевъ съ удовольствіемъ отказался бы отъ какой бы то ни было связи съ великолѣпнымъ Муромцевымъ.

Въ третью очередь слѣдовало бы поставить двухъ сразу: г. Набокова и г. Гессена. Оба представляютъ собою совершенно законченные типы того поразительнаго по яркости и опредѣленности политическаго оппортюнизма, которымъ, какъ правильно отмѣтилъ кн. Евг. Трубецкой, отличается партія народной свободы и ея центръ — въ особенности. Оба они неизмѣнно ведутъ ту же линію политической авантюры, бросаясь на всякую наживку, которая хоть на минуту мелькнетъ передъ ними.

Но кромѣ этой общей черты, между ними во всемъ остальномъ рѣзкое различіе. Г. Набоковъ богатъ (по женской линіи, конечно) и потому онъ больше озабоченъ славой. Г. Гессенъ, наоборотъ, долженъ читать лекціи въ десяти учебныхъ заведеніяхъ и вездѣ по разнымъ, не имѣющимъ между собой связи, спеціальностямъ. Ему, поэтому, пока не до славы. Г. Набоковъ уже многое можетъ дѣлать, г. Гессенъ еще многаго не можетъ. Потомъ все-таки г. Набоковъ сынъ министра и какъ никакъ бывшій камеръ-юнкеръ, что въ кадетской средѣ, замѣтимъ въ скобкахъ, очень высоко цѣнится. А г. Гессенъ? Онъ, хоть и ближайшій сподвижникъ г. Милюкова и «золотое перо» кадетскихъ изданій, но все-таки никогда не былъ и не будетъ камеръ-юнкеромъ. Оттого г. Набоковъ, напримѣръ, полнѣетъ и вообще раздается вширь куда смѣлѣе, чѣмъ г. Гессенъ.

Оба они считаются у кадетовъ «профессорами». Это значитъ, что ни одинъ изъ нихъ никогда не написалъ никакой ученой работы. Вотъ тоже черта, которая ихъ объединяетъ...

Когда г. Набоковъ говоритъ, сейчасъ видно, что это говоритъ человѣкъ, который, въ сущности, если очень разсердится, можетъ и на кадетовъ махнуть рукой и просто уѣхать къ себѣ домой, на югъ Италіи, на о. Капри или на о. Санъ-Принсипъ. А когда говоритъ Гессенъ, вы видите, что старается человѣкъ изъ-за всего своего положенія, изъ-за всего своего будущаго. Онъ напруживается весь, и лицо принимаетъ тотъ отталкивающій оттѣнокъ, который всегда бываетъ у евреевъ, когда они боятся, что съ ними могутъ нехорошо поступить.

Маленькая подробность, которая отлично характеризуетъ великаго г. Набокова. Когда, въ день открытія Думы былъ Высочайшій выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, г. Набоковъ шелъ въ процессіи депутатовъ, заложивъ лѣвую руку... не въ карманъ даже... О, это сдѣлалъ бы только г. Гессенъ! А сзади, подъ фалды фрака, такъ, что на половину рука уходила въ глубь панталонъ, и этимъ придавала всей фигурѣ видъ самой независимой изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ на свѣтѣ парламентскихъ фигуръ. Кѣмъ воображалъ онъ себя тогда? Филиппомъ Эгалите? Мирабо?

Маленькая подробность, опредѣляющая г. Гессена. Онъ все прощаетъ даже своемъ политическимъ врагамъ, если только знаетъ, что они меньше его зарабатываютъ. Но онъ ненавидитъ даже друзей, если вдругъ окажется, что какой-нибудь новый заработокъ полученъ кѣмъ-либо изъ нихъ, а не имъ.

Все это, конечно, частности. Но вѣдь мы говоримъ не просто о какихъ то людяхъ, а о великихъ людяхъ, о тѣхъ, кто смѣетъ увѣрять насъ, что они не только хотятъ, но и могутъ быть руководителями судебъ Россіи. Вѣдь это все «фютюръ-министры». Должно же когда-нибудь общество узнать въ точности, съ кѣмъ собственно приходится ему въ данномъ случаѣ имѣть дѣло.

Мы вѣдь, къ тому же, многаго и не разсказываемъ. Напримѣръ, мы еще ни слова не сказали о томъ, что на всемъ Уралѣ нѣтъ завода, гдѣ бы такъ притѣсняли рабо-

чихъ, какъ на заводахъ г. Набокова, бывшихъ Рукавишниковскихъ. Объ этомъ, вѣроятно, со временемъ разскажутъ бывшіе пермскіе губернаторы. Мы также не говоримъ и о томъ, какими путями г. Гессенъ получалъ мѣста въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. въ тѣхъ, самое существованіе которыхъ противорѣчитъ основнымъ воззрѣніямъ исповѣдуемыхъ г. Гессеномъ политическихъ ученій.

Чтобы закончить съ этой парой кадетовъ, остается сказать, что во всемъ кадетскомъ центрѣ нѣтъ никого, кто бы такъ откровенно, какъ эта пара, привѣтствовалъ революціонный терроръ, какъ лучшее средство расчистки пути кадетамъ. Г. Набоковъ былъ уже уличенъ въ этомъ кн. Трубецкимъ, а г. Гессену принадлежитъ вся эта часть въ тѣхъ кадетскихъ изданіяхъ, гдѣ онъ работаетъ. Онъ, такъ сказать, главный посредникъ между терроромъ и широкими кругами общества. Онъ, такъ сказать, кассиръ партіи, который ежедневно расплачивается съ революціоннымъ терроромъ мелкой монетой кадетскихъ привѣтствій и рекламы.

Обойдемъ молчаніемъ такія слишкомъ опредѣлившіяся и всѣмъ хорошо извѣстныя фигуры, какъ «масонъ» г. Кедринъ, отъ котораго все требуютъ какихъ то отчетовъ по городскимъ дѣламъ, или какъ всѣ эти «профессора» новой фармаціи, какъ гг. Фридманъ, Идельсонъ, Ицеккранцъ, Майзельхесъ, извѣстные лишь тѣмъ, что время отъ времени выскакиваютъ въ «Рѣчи» или «Правѣ» съ «громовыми» статьями противъ кабинета, написанными «настоящимъ одесскимъ» языкомъ. Все это мелочь, которая въ общемъ составляетъ только сѣрый фонъ кадетскаго центра. О званіи «фютюръ-министровъ» имъ еще рано мечтать. Въ кадетскомъ планѣ это, вѣроятно, только директора департаментовъ или губернаторы русскихъ центральныхъ губерній.

Ни слова не скажемъ и о такихъ, какъ братъ Ив. Петрункевича, докторъ М. И. Петрункевичъ. Кто бы онъ

ни былъ, въ судьбахъ Россіи партія не отводитъ ему первой роли.

Переходимъ прямо къ г. Родичеву.

VII.

Г. Родичевъ—первый теноръ партіи. Это сравненіе не нами придумано, но оно привилось, какъ весьма близкое къ дѣйствительности. Подобно всякому первому тенору, г. Родичевъ ни къ какому дѣлу примѣненъ быть не можетъ, и все его назначеніе—пѣть по нотамъ великихъ кадетскихъ композиторовъ и пожинать лавры. Лавры самые теноровые: привѣтственныя улыбки дамъ, большой почетъ со стороны фотографовъ, иногда—пылкій поцѣлуй какой-нибудь гражданки Идельсонъ, которая, не чувствуя себя въ силахъ сдержать крикъ души, желаетъ этимъ всенароднымъ поцѣлуемъ выразить восторгъ, выражаясь языкомъ кадетскихъ передовицъ,—всему «Гольфстрему правды и свободы».

Г. Родичевъ, какъ первый теноръ, является, какъ мы уже сказали, только исполнителемъ чужихъ композицій. За музыкальностью исполненія онъ не гонится, но темпераментъ можетъ проявить во всякую минуту. У него, съ точки зрѣнія партіи, одна слабость: никогда неизвѣстно, чѣмъ онъ кончитъ. Онъ и самъ этого не знаетъ. Поэтому его выпускаютъ не для того, чтобы онъ проводилъ непремѣнно ту или иную мысль, но чтобы создалъ непремѣнно то, а не иное настроеніе. Когда настроеніе готово, выходитъ или г. Милюковъ или г. Винаверъ, или одинъ изъ большого запаса Гессеновъ и дѣлаетъ, что предположено.

Если г. Родичеву начинаютъ возражать, онъ немедленно весь разгорается. Тогда уже его не удержать. Сначала онъ положимъ, скажетъ: «Клянусь, что Думу не распустятъ». Послѣ перваго возраженія онъ крикнетъ: «Всѣ умремъ до одного, но Думы не выдадимъ». Послѣ второго возраженія,

онъ стукнетъ кулакомъ по столу и уже вообразитъ себя на баррикадахъ.

Но, конечно, темпераментъ, вѣрнѣе—избытокъ темперамента нисколько не помѣшалъ ему предсѣдательствовать въ уѣздномъ воинскомъ присутствіи и набирать солдатъ, хотя въ свое время онъ выразилъ телеграммой сочувствіе выборгскому воззванію. Не подписалъ же онъ его только потому, что былъ тогда въ Англіи. Тотъ же темпераментъ не мѣшалъ ему называть рѣчи Аладьина величайшимъ позоромъ, хотя, конечно, тутъ же онъ всходилъ на каѳедру и говорилъ рѣчи, едва ли чѣмъ по существу отличавшіяся отъ рѣчей Аладьина.

По слухамъ, кадеты имѣли въ виду г. Родичева для поста министра иностранныхъ дѣлъ. Вѣроятно, только потому, что онъ всегда говоритъ больше, чѣмъ хочетъ сказать.

По слухамъ же, г. Родичевъ за послѣднее время значительно разочаровался въ своихъ ближайшихъ соратникахъ и даже нѣсколько конфузится, когда ему начинаютъ напоминать его собственныя рѣчи. Но это душевное состояніе г. Родичева мало заботитъ гг. Милюкова, Набокова, Гессеновъ. Они понимаютъ, что, когда опять потребуется клятводатель и трибунъ, г. Родичевъ будетъ къ ихъ услугамъ.

Злые языки настойчиво говорятъ, что, сходя съ каѳедры, г. Родичевъ имѣетъ всегда угнетенный видъ. Точно бы онъ хочетъ спросить: «Скажите, господа, кажется, я наговорилъ пустяковъ?!». Но именно эти моменты и караулятъ его «друзья». Они всей толпой окружаютъ его и горячо поздравляютъ еще съ одной «побѣдой свободнаго слова». Рядомъ такихъ «побѣдъ» г. Родичевъ и былъ доведенъ до своихъ знаменитыхъ клятвъ!..

Дѣлаемся теперь необыкновенно почтительными, пишемъ стоя и на лицѣ изображаемъ нѣчто раболѣпное. Дѣло въ томъ, что рѣчь пойдетъ о князьяхъ Петрѣ и Павлѣ Долгоруковыхъ. Членомъ Думы былъ только князь Петръ, а кн. Павелъ уступилъ свою кандидатуру покойному Гер-

ценштейну. Это была высокоидейная жертва, ибо что это была бы за Дума, если бы отъ Москвы не было въ ней ни одного представителя изъ евреевъ.

Оба брата, по кадетскому списку, числятся въ «единственныхъ Рюриковичахъ». Это означаетъ, что, во-первыхъ, если бы они были Рюриковичами, то были бы лишь одними изъ многочисленныхъ Рюриковичей, а во-вторыхъ, что они вовсе и не Рюриковичи. Оба брата высоко цѣнятся въ партіи за свой княжескій титулъ и за умѣнье не смѣть имѣть своего собственнаго мнѣнія. Но титулъ—прежде всего. Ни въ одной средѣ не цѣнятся титулы въ такой мѣрѣ, какъ въ демократической средѣ кадетовъ. «Настоящій князь». Это муссируется комитетомъ партіи, который знаетъ, что такое для основнаго состава партіи, т. е. для евреевъ, имѣть своего настоящаго русскаго князя. «Это не чего нибудь!»—съ гордостью говоритъ въ Одессѣ и Шклове.

Оба брата участвовали въ организаціи союза «Освобожденіе». Оба теперь находятся подъ дворянскимъ запретомъ, но это ихъ не смущаетъ, особенно, если и князю Петру удастся такъ же выгодно ликвидировать свои дворянскія имѣнія, какъ удалось князю Павлу.

По существу ни тотъ, ни другой серьезнаго вліянія на дѣла партіи не имѣютъ. Да они и не стремятся имѣть его. Зачѣмъ? Они и такъ во всѣхъ родственныхъ гостиныхъ уже извѣстны, какъ очень крупные и опасные общественные дѣятели, а въ партійной средѣ за ними ухаживали и будутъ ухаживать изъ-за ихъ связей и отношеній. Иначе говоря: въ гостиныхъ они—интересные революціонеры, а въ революціонной обстановкѣ они—интересные завсегдатаи гостиныхъ.

Ихъ политическій горизонтъ необыкновенно широкъ: въ него все умѣщается, что хотите. И барская жизнь любителей и цѣнителей прелестей жизни, и удовольствіе поиграть въ революцію, и умѣнье устроить личныя дѣла, и

крайній демократизмъ, и преувеличенное мнѣніе о родѣ, къ которому принадлежатъ...

У кадетовъ есть еще одинъ настоящій князь. Это бывшій секретарь Думы, князь Д. И. Шаховской. Типъ студента 70-хъ годовъ, одна изъ тѣхъ неуравновѣшенныхъ натуръ, которой тѣсно и скучно безъ широкой агитаціи и тѣхъ особыхъ волненій, которыя даетъ только участіе въ заговорѣ. Вся его молодость прошла въ этомъ. Настоящимъ образомъ, конечно, онъ могъ развернуться только къ открытію семидесяти семи свободъ. Впрочемъ, именно тутъ, впервые увидѣвъ воочію, что такое то, къ чему онъ такъ стремился, онъ весь сжался. Какъ извѣстно, въ Думѣ онъ только однажды попробовалъ что-то сказать, но былъ рѣзко остановленъ г. Муромцевымъ.

Типичный представитель кадетской тактики, какъ она понимается г. Милюковымъ. Всегда быть правѣе преобладающаго въ партіи настроенія и, не замѣчая, вести партію все влѣво и влѣво,—такова формула этой тактики.

Есть еще князь Бебутовъ, но о немъ кадеты вспоминаютъ только тогда, когда заходитъ рѣчь о необходимости увеличить расходы партіи. Могъ бы быть такъ же и князь Урусовъ, но его вначалѣ не сумѣли взять, а потомъ перехватила по дорогѣ партія демократическихъ реформъ, этотъ забавный кадетскій отростокъ, который только время отъ времени воспаляется и причиняетъ кадетамъ страданія, но самъ по себѣ никому не нуженъ.

Зато у кадетовъ есть и бывшій министръ. Мы разумѣемъ г. Кутлера, нынѣ наслѣдника идей и положеній покойнаго Герценштейна. Иллюминацій г. Кутлеръ, правда, еще не рекомендовалъ, но зато не менѣе настойчиво осуждаетъ именно тѣ вѣдомства, въ которыхъ его долголѣтніе труды были причиной многаго изъ того, что тамъ дѣлалось. Напримѣръ, въ свое время г. Кутлеръ былъ ревностнымъ участникомъ похода министерства финансовъ противъ земства; онъ же былъ единственнымъ авторомъ проекта «укороченнаго земства» въ западномъ краѣ; онъ

же провелъ законъ объ ограниченіи земскаго бюджета. Словомъ, лѣтъ десять подрядъ было не безъ него. Отличаясь качествами ревностнаго исполнителя, который не только все сдѣлаетъ, что̀ приказано, но и отъ себя на совѣсть прибавитъ, онъ постепенно дошелъ до министерскаго поста. Оставилъ же онъ его только потому, что ошибся въ расчетѣ: онъ думалъ, что ему поручено то, что ему поручено не было, или, во всякомъ случаѣ, было поручено недостаточно опредѣленно. А то бы онъ и до сихъ поръ служилъ. Тогда, конечно, онъ первый весьма скептически смотрѣлъ бы сквозь свои очки на возню кадетовъ.

Но какъ оригинально! Ни покойный Герценштейнъ, ни благополучно здравствующій г. Кутлеръ никогда не имѣли ни малѣйшаго основанія считать себя голосомъ русской земли по крестьянскому дѣлу. Они—типичные горожане, одинъ—банковскій чиновникъ, другой—бюрократъ. Но вотъ потребовался голосъ земли—пожалуйте, готово!..

Г. Кутлеръ и въ партіи уже пріобрѣлъ репутацію прекраснаго исполнителя. И онъ исполняетъ. Онъ, напримѣръ, обличаетъ теперь рутину Крестьянскаго банка, на судьбу котораго много лѣтъ имѣлъ возможность вліять. Онъ высказывается противъ землеустроительныхъ комиссій, въ составленіи закона о которыхъ онъ самъ участвовалъ. Да и мало ли что еще!

Остаются профессора. Ихъ много, но всѣ они болѣе или менѣе на одинъ манеръ. Тутъ есть и настоящіе профессора и такъ называемые. Такъ называемые, т. е. гг. Кокошкинъ, Щепкинъ, Якушкинъ, Гредескулъ, Фридманъ и проч., держатся въ партіи на лучшемъ положеніи, чѣмъ настоящіе, т. е. гг. Карѣевъ, Новгородцевъ, Котляревскій, Петражицкій и друг. Оно и понятно: какъ бы далеко ни шелъ въ политической игрѣ человѣкъ, обладающій болѣе или менѣе серьезными познаніями, онъ все-таки не такъ удобенъ въ партійномъ оборотѣ, какъ человѣкъ, котораго ничто не останавливаетъ.

Напримѣръ г. Щепкинъ, этотъ авторъ разслѣдованія по Бѣлостокскому дѣлу — развѣ можно остановить его, когда, закрывъ глаза и зажавъ уши, онъ бросается въ самую глубь радикализма и революціонности? Конечно, нѣтъ! Что можетъ остановить его? Воспоминаніе о его плохой магистерской работѣ, принятой въ Москвѣ только по благосклонности профессора Герье, котораго, конечно, г. Щепкинъ считаетъ теперь «охранникомъ»? Воспоминаніе о его собственномъ и сравнительно недавнемъ юдофобствѣ? Воспоминаніе о томъ, что на страницахъ той же самой магистерской работы онъ умѣренъ, какъ самый умѣренный октябристъ? Ничто не остановитъ, если впереди картина того, какъ по всей еврейской Одессѣ ходятъ съ его рѣчами и восторженно шепчутъ: «ну, дай Богъ здоровья Щепкину! Щепкинъ?! О, это что-нибудь особенное!»...

Г. Щепкинъ, прощаясь съ одесситами, заявилъ имъ, что обрекаетъ себя на смерть. Сразу, еще ничего не видя, взявъ такую ноту, очевидно, въ Думѣ онъ долженъ былъ лѣзть прямо на стѣну. На стѣну и лѣзъ. Смерть, конечно, никогда ему не угрожала, не угрожалъ даже арестъ, а въ Выборгъ съѣздить пришлось. Для всѣхъ гимназистовъ, которые непремѣнно желаютъ заниматься политикой, да послужитъ сія жалкая судьба г. Щепкина урокомъ!..

Или, напримѣръ, г. Гредескулъ! Жилъ былъ въ Харьковѣ очень плохой ученый, который съ трудомъ могъ разобраться въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ своей науки, и вдругъ судьба, а главное — неуравновѣшенный характеръ и дурныя знакомства бросили его въ политику. Пошли отношенія съ крайними партіями; все это было перенесено въ мѣстное юридическое общество, а тутъ — баррикады, митинги, жажда фигурировать передъ молодежью. Еще немного, и г. Гредескулъ уже попадаетъ въ совѣтъ объединенныхъ соціалъ-демократовъ, въ союзъ союзовъ, въ союзъ освобожденія, словомъ всюду, куда заносилъ его вѣтеръ и страсть играть роль. Этого мало: онъ же явился

одной изъ главныхъ причинъ кровавыхъ событій въ Харьковѣ въ декабрѣ прошлаго года. Хотѣлъ онъ этого или не хотѣлъ — онъ одинъ знаетъ. Но фактъ тотъ, что въ засѣданіи городской думы, незванный-непрошенный, онъ сказалъ зажигательную рѣчь, которая была принята «товарищами» за призывъ къ вооруженному возстанію. Народа погибло не мало, но г. Гредескулъ, уже въ образѣ кадета, доказывалъ въ это время необходимость «истинной конституціи».

Что, спрашивается, остановитъ такого «профессора?» Слѣдуетъ думать, не его никуда негодная въ научномъ отношеніи диссертація. Слѣдуетъ думать, и не сознаніе нравственной отвѣтственности за свои поступки. Если бы такое сознаніе имѣло на него вліяніе, онъ, вѣроятно, надолго скрылся бы изъ Россіи, чтобы только забыть о тѣхъ многочисленныхъ юношахъ, которые изъ-за него пали жертвой своего легковѣрія. Вѣдь вся причина ихъ гибели въ томъ, что они неосторожно повѣрили ему!

Недуренъ и профессоръ Кокошкинъ. Правда, этотъ нѣсколько въ иномъ родѣ. Этотъ не столько беретъ отвагой революціонера, сколько славой юриста-государственника. Его заслуга передъ наукой, правда, выразилась пока только въ томъ, что до сихъ поръ онъ не написалъ даже магистерской диссертаціи. Но это-то и хорошо. Если судить по тѣмъ юридическимъ познаніямъ, которыя онъ обнаружилъ въ своихъ думскихъ рѣчахъ и въ газетныхъ статьяхъ, то, конечно, можно только радоваться, что онъ не сочинялъ никакихъ книгъ. Это тотъ самый юристъ, который былъ убѣжденъ, что можно издать какой-то законъ о всеобщемъ равноправіи, который вѣрилъ, что будетъ прогрессомъ, если, задавивъ мѣстныя и племенныя особенныя потребности, государство издастъ что-то такое, вродѣ «общерусскаго права», который доказывалъ, что неконституціоненъ роспускъ Думы, разъ въ указѣ о роспускѣ не напечатана скрѣпа министра и т. д., и т. д. Онъ же былъ авторомъ смѣхотворнаго «положенія о всеобщемъ избирательномъ

правѣ», кадетской брошюрки, которую совѣтуемъ хранить всѣмъ любителямъ рѣдкостей. Онъ же въ цѣломъ рядѣ рѣчей доказывалъ конституціонность кадетской тактики въ Думѣ.

Не такъ давно онъ съ гордостью, но, по обыкновенію, не выговаривая четырнадцати буквъ, заявилъ, что «кадеты должны принять свою кличку, данную имъ въ насмѣшку, какъ почетную. Тутъ, очевидно, рисовались передъ нимъ картины изъ исторіи освобожденія Нидерландовъ, когда нидерландскіе дворяне, возставшіе противъ Испаніи, получили прозвище «гезовъ» или «нищихъ» и потомъ гордились этой кличкой. Но его немедленно осадилъ цѣлый рядъ ораторовъ, съ грустью засвидѣтельствовавшій, что въ провинціи смотрятъ на дѣло иначе и что теперь каждый случай грабежа въ городѣ заставляетъ всѣхъ повторять «вотъ до чего довели кадеты! вотъ они съ ихъ выборгскимъ кренделемъ!»...

Но развѣ г. Кокошкина такія мелочи остановятъ?

VIII.

Изъ настоящихъ профессоровъ самый толстый г. Карѣевъ, самый тонкій—г. Петражицкій. Оба они сходятся на томъ, что не любятъ и не понимаютъ Россіи. Но г. Петражицкій хоть знаетъ, чего онъ хочетъ: онъ—полякъ и патріотъ своей отчизны. Г. Карѣевъ же и самъ не можетъ сказать, къ чему собственно онъ стремится. Къ Франціи временъ Конвента? Не потому ли, что ему рисуется, будто при такомъ конвентѣ будетъ учреждена особая должность почетнаго профессора исторіи революціонныхъ манифестацій и кровопролитій? Какое-то удивительное отношеніе къ политическимъ событіямъ! Каждое изъ нихъ интересуетъ г. Карѣева лишь постолько, посколько о немъ можно написать толстую и скучную книгу.

Какъ членъ партіи, г. Петражицкій цѣннѣе г. Карѣева. Послѣдній, благодаря особенностямъ его физическаго устройства, примѣняется исключительно для роли предсѣдателя всякаго рода засѣданій, собраній, комитетовъ. Какъ предсѣдатель, онъ, дѣйствительно, несокрушимъ: можетъ сколько угодно высидѣть и что угодно выслушать. Съ такимъ физическимъ устройствомъ нетрудно и сколько угодно написать. По выраженію Щедрина, «ежели Господь наградилъ чугуннымъ днищемъ, сколько посидитъ — столько и напишетъ».

Г. Петражицкій, наоборотъ, нервенъ, подвиженъ, въ каждую мысль, въ каждое заявленіе стремится внести свою поправку. Какъ извѣстно, въ аграрную программу партіи онъ внесъ такія поправки, которыя отъ этой программы ровно ничего не оставили и чуть не привели г. Петражицкаго къ выходу изъ партіи. Но партія поняла, что ей невыгодно терять единственнаго серьезнаго юриста, а г. Петражицкій понялъ, что и его положеніе измѣнится къ худшему, если онъ выйдетъ изъ партіи. Поэтому партія согласилась признать г. Петражицкаго, въ виду его научныхъ заслугъ,—имѣющимъ право на особыя мнѣнія; г. Петражицкій, въ благодарность за это, согласился подписать выборгскую глупость.

Какъ ораторъ, г. Петражицкій рѣшительно нестерпимъ. Онъ любитъ говорить образами, но каждый изъ его образовъ, по крайней мѣрѣ, въ трехъ частяхъ. Кромѣ того, начавъ говорить, онъ никакъ не можетъ кончить, потому что всегда есть еще одно «который» или «такъ какъ», которое кажется ему необходимымъ. Но когда г. Петражицкій всетаки кончаетъ свою рѣчь, онъ сходитъ съ кафедры раздосадованный, что самаго главнаго такъ и не успѣлъ сказать.

Какъ ученый, г. Петражицкій цѣнится въ той области, въ которой давно пересталъ работать, а именно—въ области догмы римскаго права. Въ настоящее время онъ преимущественно подвизается въ области философіи права,

т. е. именно тамъ, гдѣ менѣе всего онъ силенъ. За то г. Карѣевъ, наконецъ-таки, нашелъ свою настоящую область: книги для дѣтей младшаго возраста.

Г. Петражицкій, равно какъ и г. Карѣевъ, въ качествѣ политиковъ цѣны не имѣютъ. Ни тотъ ни другой не могутъ имѣть значенія въ русской политикѣ уже потому, что и не знаютъ, и не любятъ Россіи. Все равно, что, напримѣръ, такой господинъ, какъ профессоръ Бодуэнъ де Куртенэ. Они, которые стѣсняются даже тѣмъ, что Россія называется Россіей, а не вообще «Парламентаріей» или «Народоправіей»,—какое же значеніе они могутъ имѣть тамъ, гдѣ подавляющая масса населенія всетаки хочетъ еще называться русскимъ народомъ!

Заодно скажемъ нѣсколько словъ и о профессорѣ Бодуэнѣ. Онъ тоже принадлежитъ къ кадетскому центру, хотя по политическимъ взглядамъ примыкаетъ къ такъ называемымъ федералистамъ-автономистамъ, т. е. къ евреямъ и полякамъ, которые желали бы полнаго расчлененія Россіи. Былъ моментъ, когда объ этой группѣ какъ будто заговорили. Но потомъ поняли, что это и не группа даже, а просто средство для двухъ-трехъ ловкихъ членовъ Думы организовать свою особую, такъ сказать, личную думскую партію. Профессоръ Бодуэнъ, какъ предсѣдатель комитета, быстро очутился въ смѣшномъ положеніи, и затѣя пока заглохла. Зато теперь этотъ господинъ прославленъ, какъ толкователь толкового словаря. Чѣмъ не герой? Былъ у насъ классическій трудъ Даля, пришелъ такой, какъ г. Бодуэнъ, и дерзко наложилъ на него руку! На кадетскомъ языкѣ это называется «служить культурѣ».....

Отмѣтимъ еще профессора Новгородцева. Онъ интересенъ тѣмъ, что былъ выдвинутъ и проведенъ на каѳедру бывшимъ товарищемъ министра г. Звѣревымъ, ближайшимъ къ покойному Боголѣпову человѣкомъ. Но времена мѣняются, и теперь г. Новогородцевъ—одинъ изъ наиболѣе правовѣрныхъ кадетовъ. Какъ ученый, онъ неглубокъ и

неинтересенъ. Онъ недурной лекторъ, очень плохой юристъ, но зато любитъ политиканствовать. Это-то и прибило его къ кадетскому берегу. Время отъ времени онъ напоминаетъ о себѣ наивными и безсодержательными статьями въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Всѣхъ, конечно, не перечислить, тѣмъ болѣе, что вообще нѣтъ университета, гдѣ бы, по крайней мѣрѣ, половина совѣта не числилась въ кадетахъ. И, конечно, въ огромномъ большинствѣ эти профессора причисляютъ себя къ кадетскому центру. Вѣдь центръ—самая удобная точка всей кадетской линіи для тѣхъ, кто хочетъ имѣть вліяніе, но не желаетъ себя ничѣмъ связывать. Это и есть основной разсадникъ политическаго оппортюнизма. И самые лѣвые, и наиболѣе правые находятъ въ этомъ центрѣ именно то, что́ имъ нужно: возможность играть роль. Тутъ они засѣдаютъ въ комитетахъ, суетятся, сочиняютъ обращенія, воззванія, говорятъ рѣчи. Центръ партіи является собраніемъ не партійной толпы, а опредѣленныхъ лицъ, т. е. тѣхъ, которые идутъ въ партію на условіи, что съ ними будутъ непремѣнно считаться.

Поэтому обойдемъ молчаніемъ и бывшаго члена Думы профессора Шершеневича, извѣстнаго только тѣмъ, что всегда необыкновенно легкомысленно читалъ лекціи по гражданскому и торговому праву и необыкновенно легкомысленно велъ полемику съ М. М. Ковалевскимъ по вопросу о правѣ народа устраивать митинги на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, что, конечно, не мѣшало и г. Ковалевскому, въ свою очередь, пылко наговорить невообразимыхъ глупостей. Обойдемъ молчаніемъ и проф. Эрв. Д. Гримма, котораго теперь партія выставляетъ кандидатомъ въ Думу, хотя всѣ его общественныя заслуги въ томъ, что онъ неудержимый прогрессистъ лишь постолько, посколько онъ можетъ этимъ насолить своему настоящему конкуренту по симпатіямъ на женскихъ курсахъ, проф. Гревсу. Обойдемъ молчаніемъ и проф. Бородина, этого недавняго яраго юдофоба, который теперь и соціалистъ, и профессоръ Историко-

филологическаго института, и революціонеръ, и преподаватель привилегированныхъ учебныхъ заведеній, словомъ, все что полагается кадету! И онъ выставляется партіей въ качествѣ кандидата въ Думу отъ Петербурга. Недурно!..

Не стоитъ, однако, говорить о такихъ величинахъ. Скажемъ въ заключеніе только еще о г. Струве. Это—любопытная фигура если не самъ по себѣ, то по своей политической судьбѣ. Онъ началъ усердной службой по министерству финансовъ, потомъ сталъ преподавательствовать, потомъ очутился заграницей во главѣ журнала «Освобожденіе», потомъ оказался въ немилости у революціонеровъ, потомъ нѣсколько опять заслужилъ передъ ними, но вдругъ какъ-то сразу оказался не у дѣлъ и даже въ средѣ своихъ друзей можетъ только раздражаться и критиковать. Въ Гельсингфорсѣ, напримѣръ, онъ былъ рѣшительно противъ г. Мандельштама, но очень въ то же время огорчался и политикой компромиссовъ, которую велъ г. Милюковъ. Какая его роль въ будущемъ? Да ровно никакая, конечно. Сейчасъ партія намѣчаетъ его въ кандидаты въ Думу. Но это, что называется, по нуждѣ. Кому же, какъ не партіи, знать, что до сихъ поръ ни одно предпріятіе, шедшее подъ флагомъ г. Струве, не удавалось. А мало ли онъ начиналъ предпріятій? И газетъ и журналовъ онъ уже переиздавалъ порядочно, но только разорилъ издателей. Это та своеобразная величина, которая популярна ровно настолько, сколько нужно, чтобы не подать за него голоса ни правому, ни лѣвому, ни центральному.

Конечно, слѣдовало бы упомянуть и о гг. Винаверѣ, Каминкѣ, Ледницкомъ, Моргуліесѣ и вообще обо всей этой бундистской, кадетской, кадетско-радикальной, радикально-сіонистской и всякой иной еврейской и еврействующей адвокатурѣ. Но не стоитъ. Кто этого не знаетъ? Кто не знаетъ, напримѣръ, что когда рѣчь идетъ о г. Винаверѣ, то слѣдуетъ вспомнить о бундѣ, а когда рѣчь идетъ о г. Моргуліесѣ, то слѣдуетъ вспомнить объ его попыткѣ создать изъ нефтепромышленной фирмы Нобель источникъ

насажденія республиканизма въ Россіи? По крайней мѣрѣ, о всемъ, что сейчасъ продѣлываетъ этотъ юркій адвокатъ, до сихъ поръ говорятъ не иначе: «да, это, съ его точки зрѣнія весьма «нобель»!..

Г. Ледницкій нѣсколько выдѣляется изъ этой массы. Онъ и ловчѣе другихъ, и тоньше. Но какой же онъ кадетъ? Онъ числился въ рядахъ партіи, но мысли его направлены именно за предѣлы партіи. Онъ хотѣлъ бы имѣть собственную партію, ту, которая началомъ и концомъ своего символа вѣры поставила бы его, г. Ледницкаго. Недаромъ партія всегда очень остерегалась его и не пускала въ свои нѣдра. Былъ моментъ, когда г. Ледницкій чуть не сдѣлался трудовикомъ. Это было бы, по-истинѣ, комично: любимый адвокатъ католическихъ ксендзовъ и богатыхъ польскихъ старухъ, и вдругъ—трудовикъ. Но въ концѣ концовъ надо же какъ-нибудь устраиваться, если одни не довѣряютъ, другіе подозрѣваютъ, третьи сомнѣваются.

Есть и еще одинъ кадетъ, который, вѣроятно, будетъ теперь проводиться въ Думу. Это — г. Пергаментъ. Самый краснорѣчивый изъ всѣхъ русско-еврейскихъ революціонеровъ, но и самый требовательный. Онъ увѣренъ, что во имя освободительнаго движенія весьма важно, чтобы онъ зарабатывалъ непремѣнно не менѣе 30 — 40 тысячъ въ годъ и на такую же сумму дѣлалъ долговъ. Онъ былъ соперникомъ г. Щепкина по Одессѣ, но г. Щепкинъ побѣдилъ, потому что сразу согласился умереть за идею еврейскаго равноправія, а г. Пергаментъ не соглашался умирать, доказывая, что онъ не въ правѣ распоряжаться столь безцеремонно съ геніемъ, въ немъ обитающимъ. Одесскіе евреи рѣшили тогда, что г. Щепкинъ можетъ быть имъ полезнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки «настоящій русскій».

Итакъ, вотъ она, эта группа центра, въ лицѣ своихъ не только наиболѣе яркихъ, но и вообще болѣе или менѣе замѣтныхъ представителей. Еще есть разные Левины, Френкели, Якубсоны, но они изъ тѣхъ кадетовъ, которые

развѣ только по субботамъ, въ виду прямого предписанія Талмуда воздерживаться въ эти дни отъ работъ, не мѣняютъ своей политической окраски. Передъ выборами они — умѣренные прогрессисты, на выборахъ они — кадеты, въ Думѣ они трудовики и соціалисты, а когда противъ нихъ опредѣляется общественное раздраженіе, то оказывается, что, право же, они хотятъ только еврейскаго равноправія. Въ качествѣ политическихъ дѣятелей, понятно, такіе субъекты уже не представляютъ ни малѣйшаго интереса.

Эта группа центра, слѣдовательно, состоитъ изъ лицъ всякихъ оттѣнковъ политической мысли. Но именно эта группа и является наиболѣе объединенной въ предѣлахъ партіи. Ихъ связываетъ вся совокупность своекорыстныхъ стремленій, которая, въ сущности, и рѣшила судьбу кадетовъ. «Власти, власти, власти»,—ихъ основной лозунгъ, ихъ единственная мысль, опьяняющая ихъ, какъ крѣпкое вино. «Портфелей, мѣстъ, почета, вліянія» — томятся эти люди, и мечутся они изъ стороны въ сторону, ища лазейки, сквозь которую можно было бы, наконецъ, пробраться туда, куда и по настоящую минуту имъ входъ строго воспрещенъ.

А это такая связь, которая, конечно, прочнѣе всякой другой. Чѣмъ болѣе близкой кажется имъ завѣтная минута, тѣмъ сильнѣе разгораются ихъ страсти и тѣмъ легче идутъ они на всякія крайности. Чѣмъ, наоборотъ, болѣе далекой кажется она имъ, тѣмъ болѣе и болѣе вспоминаютъ они о необходимости быть благоразумными. Но бѣда въ томъ, что тутъ же вмѣшивается въ дѣло раздраженіе, горечь обманутыхъ надеждъ, и кадеты дѣлаются адски злы и немедленно же забываютъ уже о всякомъ благоразуміи. Этимъ они окончательно себя топятъ.

Напримѣръ, хотя бы то же выборгское воззваніе. Это былъ припадокъ гнѣва въ минуту, когда только что хотѣли вернуться къ благоразумію. А гельсингфорскія резолюціи? Развѣ въ нихъ не сказалась горечь обманутыхъ

ожиданій? Но съ точки зрѣнія партіи именно этими резолюціями она и надѣялась вернуться къ благоразумію.

И Выборгъ и Гельсингфорсъ—дѣло рукъ центральной группы. Надо вѣдь правду сказать: пошлѣе и ничтожнѣе не могла бы поступить никакая партія. Слѣдовательно, едва ли нужно еще доказывать, что именно центральная группа доказала свое полное неумѣніе вести какое бы то ни было дѣло. Интриги — еще не дѣло; партійная агитація — еще не дѣло; проявленія жаднаго стремленія къ власти — еще не дѣло...

Между тѣмъ вѣдь центральная группа является отборной частью партіи. Это наиболѣе сильное и яркое, что способны выставить кадеты. Каковы же остальные?

Само собой разумѣется, что все сказанное станетъ еще очевиднѣе, если отъ характеристики лицъ мы обратимся теперь къ послѣдовательному описанію дѣлъ партіи.

IX.

Первое, да, въ сущности, и единственное «дѣло», которое сослужило кадетамъ хорошую службу, было проведено ими на выборахъ. Тутъ они побѣдили. Правда, если считать даже тѣхъ, кто въ дѣйствительности не былъ кадетомъ и лишь на выборахъ проходилъ подъ именемъ кадета (въ Думѣ же даже шелъ противъ кадетовъ), то и тогда партія провела въ Думу, по одному подсчету—172 депутата, по другому—164 депутата. Между тѣмъ въ Думѣ уже къ 1 іюня было 448 депутатовъ. Сами кадеты считали у себя только 153 голоса. Иными словами, они располагали едва третью голосовъ.

Но, во всякомъ случаѣ, и треть Думы—весьма значительный успѣхъ для политической партіи. Это обязываетъ насъ безъ дальнѣйшихъ оговорокъ признать, что на выборахъ въ первую Думу кадеты сумѣли добиться весьма серьезныхъ результатовъ.

Но тутъ-то и начинается рядъ вопросовъ. Чѣмъ мы объясняемъ такой успѣхъ кадетовъ на выборахъ? Талантами руководителей партіи? Мы уже видѣли эти таланты. Единствомъ партійнаго состава? Мы уже знаемъ, что его нѣтъ, не было, да, къ слову сказать, и не будетъ. Увлекательностью программы? Мы уже говорили о ней, объ этой пресловутой программѣ! Случайностью? Подлогами? Вотъ это-то намъ и предстоитъ разобрать.

Прежде всего нѣтъ никакого сомнѣнія, что огромную службу сослужили кадетамъ общія условія того момента, когда происходили выборы. Правительственныя мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ вызывали несомнѣнный ропотъ и притомъ въ различныхъ слояхъ общества. Неудачная война съ Японіей обострила недовольство. Началась рѣзкая критика, которая, по мѣрѣ того, какъ достигала менѣе культурныхъ слоевъ населенія, дѣлалась все грубѣе и необузданнѣе. Настроенія еще болѣе обострились, когда, за изданіемъ перваго закона о Думѣ, послѣдовалъ довольно продолжительный періодъ правительственныхъ колебаній.

Вѣдь что это былъ за періодъ! Свобода, свобода, свобода!—кричали всѣ, до гимназистовъ включительно, и понимали подъ этимъ полную свободу отъ какихъ-либо законовъ. Всѣ точно опьянѣли, стремясь къ порядку вещей, очертанія котораго расплывались въ туманѣ громкихъ фразъ и легкомысленныхъ митинговыхъ призывовъ. Сначала власть какъ бы стушевалась, но когда дѣло дошло до такихъ крайностей, какъ московскія событія, начались вдругъ усиленныя репрессіи. Ясно, что въ конечномъ результатѣ даже въ малокультурныхъ слояхъ населенія стало замѣчаться полное недовѣріе къ мѣрамъ, принимаемымъ правительствомъ. Между правительствомъ и общественными силами постепенно стало образовываться какъ бы пустое пространство, куда уже было нетрудно направлять силу всякаго рода революціонныхъ вожделѣній...

Все это опредѣлилось и сказалось какъ разъ во время выборовъ. Стоило бросить массѣ нѣсколько чисто практи-

ческихъ обѣщаній, и масса должна была рѣзко обратиться противъ правительства и примкнуть къ тѣмъ, кто сыпалъ въ нее такими обѣщаніями.

Кадеты были единственной партіей, которая, съ одной стороны, не высказывала ничего такого, что могло бы поразить населеніе въ самыхъ сильныхъ его чувствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала больше всѣхъ другихъ партій. Въ то же время, казалось, и правительство не только не считаетъ ее революціонной, но даже не считаетъ ея стремленія особенно неумѣренными. Это и былъ моментъ, когда образовалось то многочисленное правое крыло кадетовъ, съ опредѣленія котораго мы начали наши очерки. Эта толпа пошла за кадетами не потому, что она дѣйствительно повѣрила тому, въ чемъ желали и желаютъ убѣдить ее гг. Милюковъ, Винаверъ, Мандельштамъ, а только потому, что другихъ никого не нашлось, кто бы такъ много обѣщалъ и такъ настойчиво увѣрялъ...

Кое-что, конечно, сдѣлала и сама партія. Помогло названіе партіи, воздѣйствовала и эластичность ея программы. Но главнымъ образомъ, конечно, помогли газеты, агитаторы, набиравшіеся изъ числа энергичной и интеллигентной молодежи, преимущественно еврейской, и довольно крупныя денежныя средства, которыя поступали, впрочемъ, также главнымъ образомъ отъ евреевъ... Послѣдніе видѣли въ кадетахъ партію, которая что-что, а ужъ еврейское равноправіе будетъ отстаивать непремѣнно. А развѣ такая партія не заслуживаетъ съ нашей стороны денежной поддержки?!—разсуждали евреи.

Конкурентовъ между тѣмъ не было. Крайніе лѣвые или бойкотировали Думу, или быстро убѣждались въ полномъ безсиліи провести своихъ кандидатовъ собственными силами. Чтобы провести своихъ, этимъ крайнимъ приходилось поневолѣ и себя, и этихъ кандидатовъ приписывать къ кадетамъ. Что же касается единственной партіи, которая могла бы хоть въ какой-нибудь мѣрѣ противодѣйствовать кадетамъ, т. е. октябристовъ, то они просто оказа-

лись неумѣлыми и недостаточно организовавшимися. Они, можно думать, были убѣждены, что ихъ дѣло, какъ совершенно ясное и правое, сдѣлается само собой. Очень многіе изъ нихъ даже не явились на выборы, или, вопреки первому правилу партійной дисциплины, подавали голоса каждый по особенному списку. У нихъ, отмѣтимъ между прочимъ, почти не было своихъ газетъ, а тѣ, которыя были, оставляли желать весьма многаго.

Были ли допущены кадетами какія-либо злоупотребленія на выборахъ? Отдѣльные случаи подкуповъ и даже систематическаго спаиванія были. Но въ общей массѣ эти случаи значенія, конечно, не имѣли. Поэтому мы можемъ сказать рѣшительно, что о прямыхъ злоупотребленіяхъ говорить нельзя. Было нѣчто иное: была сплошная недобросовѣстность, беззастѣнчивость, скажемъ просто—рѣдкое по напряженію нахальство.

Напримѣръ, вотъ что разсказываютъ мѣстные жители: въ Ярославлѣ кадеты разослали по почтѣ списки съ указаніемъ, что этихъ выборщиковъ рекомендуетъ губернаторъ; въ Астрахани разослали списки съ большимъ православнымъ крестомъ для православныхъ и со старообрядческимъ крестомъ для старообрядцевъ. Въ день выборовъ почти повсемѣстно агитаторы прямо вырывали изъ рукъ списки другихъ партій и навязывали свои. Въ Москвѣ одинъ изъ членовъ избирательной комиссіи, выдававшій билеты на входъ въ избирательное собраніе, какъ передаютъ, раскрывалъ записки съ именами кандидатовъ въ выборщики и критиковалъ ему неугодныхъ кандидатовъ. Въ одной изъ комиссій кадетскіе агенты силой удалили сторонниковъ «Всенароднаго союза». Кадетскіе агитаторы старались занять всѣ проходы лѣстницъ, ведущихъ въ помѣщенія, гдѣ производились выборы, шумѣли, напирали, не давали никому покоя и т. д., и т. д.

Нечего прибавлять, что все время передъ выборами всѣ кадетскія изданія были полны самыми безцеремонными клеветническими выходками противъ всякаго, кто такъ или

иначе могъ казаться имъ опаснымъ на выборахъ. А ужъ о представителяхъ власти и говорить нечего. Не было, кажется, ни одного чиновника въ губерніи, если онъ только не кадетъ, котораго кадеты не обвинили бы, по крайней мѣрѣ, въ краѣ со взяткомъ.

До извѣстной степени способствовали успѣху кадетовъ и нѣкоторыя положенія дѣйствующаго выборнаго закона. Впрочемъ, это уже слишкомъ сложный вопросъ, чтобы слѣдовало на немъ останавливаться въ такихъ бѣглыхъ очеркахъ, какъ наши. О немъ, если ужъ говорить, то слѣдуетъ говорить во всѣхъ подробностяхъ. Отмѣтимъ только, что кадеты, начавшіе свою дѣятельность требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, когда увидѣли себя побѣдителями на выборахъ, сейчасъ же стали затушевывать этотъ вопросъ.

Огромную роль сыграла, конечно, организованность партіи. Почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ, а не только въ губернскомъ, имѣлся свой партійный комитетъ, который прежде всего обзаводился особымъ помѣщеніемъ, своей газетой и группой пропагандистовъ. Во главѣ этихъ комитетовъ становились обыкновенно лѣвые кадеты, съ хорошимъ революціоннымъ прошлымъ. Не станемъ утомлять читателей длиннымъ спискомъ именъ, въ сущности, теперь уже мало кого могущихъ интересовать. Но вотъ нѣсколько примѣровъ: въ Костромѣ душой кадетскаго дѣла былъ крещеный еврей Фронкель, земскій врачъ, подвергавшійся карамъ за агитацію съ 1890 года; въ Ростовѣ-на-Дону — г. Хартахай, въ Черниговѣ — небезызвѣстный г. Шратъ, подвизающійся чуть ли не съ 70-хъ годовъ на поприщѣ всякаго политиканства, въ Ярославлѣ—кн. Д. И. Шаховской, въ Полтавѣ—В. Г. Короленко, въ Смоленскѣ—г. Квасковъ, уже съ 1899 года подвергавшійся карамъ, въ Самарѣ—г. Крыловъ, политиканствующій съ 1881 года, и т. д., и т. д.

Эти главные дѣятели, въ большинствѣ случаевъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и кандидатами въ члены Думы. Около

нихъ (вѣрнѣе надъ ними) группировались мѣстные революціонные элементы, опредѣлившіеся и выдвинувшіеся въ періодъ стачекъ и забастовочныхъ союзовъ. Какъ лица, съ одной стороны, не всегда легальныя, а съ другой—всегда занимавшія въ обществѣ слишкомъ незамѣтное положеніе, они не выдвигались на аванъ-сцену. Они, главнымъ образомъ, являлись той средой, которая вырабатывала революціонное общественное мнѣніе и этимъ, слѣдовательно, держала въ рукахъ офиціальныхъ представителей партіи народной свободы. Весь остальной составъ мѣстныхъ комитетовъ подбирался уже, конечно, въ непосредственной связи съ указаніями этого специфическаго «общественнаго мнѣнія».

Наличность такой непосредственной связи кадетскихъ комитетовъ съ революціонно-террористическими группами легко установить хотя бы по тѣмъ даннымъ, которыя могутъ быть почерпнуты изъ партійныхъ изданій начала текущаго года. Напримѣръ, какъ разъ въ день Новаго года тамбовскій мѣстный комитетъ телеграфировалъ графу Витте о необходимости прекратить преслѣдованія забастовщиковъ, такъ какъ этимъ будто бы затрудняется правильный ходъ выборовъ въ Думу. Ставропольскій комитетъ, перечисляя своихъ членовъ, не только указывалъ, но и подчеркивалъ цѣлый рядъ именъ, о которыхъ давно было извѣстно, что они близки къ террористическимъ группамъ. Тогда же астраханскій комитетъ велъ борьбу съ губернаторомъ изъ-за ареста завѣдомыхъ революціонеровъ, а предсѣдатель этого комитета, г. Виноградовъ, засыпалъ графа Витте телеграммами о необходимости принятія немедленныхъ мѣръ къ освобожденію этихъ лицъ. Само собой, не иначе, какъ во имя манифеста 17 октября. Тогда же на гдовскомъ собраніи кадетовъ выступилъ рядъ ораторовъ-кадетовъ, защищавшихъ идею политическихъ убійствъ. Въ февралѣ на собраніи партіи въ г. Лугѣ было заявлено отъ имени цѣлой группы, что хотя она и принадлежитъ къ крайнимъ политическимъ теченіямъ, но примыкаетъ къ кадетамъ,

какъ къ единственной революціонной партіи, допускаемой правительствомъ. И эта группа была принята партіей. О томъ, что подъ именемъ кадетовъ объединились въ Одессѣ всѣ революціонные элементы, едва ли, конечно, нужно говорить. Вѣдь именно одесскій депутатъ, кадетъ г. Щепкинъ, заявилъ въ Думѣ, что между депутатами и находящимися въ каторгѣ и ссылкѣ революціонерами только та разница, что однимъ посчастливилось, а другимъ нѣтъ. Въ Сумахъ вся агитація среди крестьянскаго населенія велась лицами, офиціально числившимися въ составѣ мѣстной кадетской организаціи. Когда на лекціи г. Кизеветтера въ Тулѣ нѣкто Томскій предложилъ почтить память казненнаго Шмидта вставаніемъ, и г. Кизеветтеръ протестовалъ противъ этого, предсѣдатель собранія, кадетъ Петровъ, первый всталъ, а за нимъ встали и остальные. Чтобы не утомлять читателей повтореніями, закончимъ напоминаніемъ, что 23 апрѣля, когда во время засѣданія въ Петербургѣ кадетскаго съѣзда было получено извѣстіе о покушеніи на адмирала Дубасова, кадеты встрѣтили это извѣстіе аплодисментами!

Нужны ли еще доказательства? Представляя собою только блокъ революціонныхъ элементовъ, ядро партіи вело предвыборную агитацію, руководствуясь исключительно революціонными цѣлями, т. е. стремясь провести въ Думу такихъ лицъ, которыя произвели бы государственный переворотъ. Но, конечно, именно эта цѣль и скрывалась кадетами. Кадеты понимали, что стоитъ имъ обнаружить эту цѣль, и ихъ дѣло пропало.

X.

Кадеты въ Думѣ!.... Это второй актъ политической пьесы, поставленной на русской сценѣ центральнымъ кадетскимъ комитетомъ, подъ режиссерствомъ г. Милюкова. Въ постановкѣ перваго акта, т. е. выборовъ, онъ, конечно,

также участвовалъ. Но тамъ онъ шелъ за толпой, а не толпа за нимъ. Второй же актъ разыгрывался уже по сценарію, выработанному исключительно г. Милюковымъ и утвержденному петербургскимъ кадетскимъ съѣздомъ, душой котораго былъ г. Милюковъ. Это тотъ самый съѣздъ, на которомъ аплодировали покушенію на жизнь адмирала Дубасова.

Итакъ, кадеты въ Думѣ! Какими они вошли туда? Прекрасными незнакомцами, объ умѣ, талантахъ и государственныхъ способностяхъ которыхъ существовали цѣлыя легенды. О гг. Петрункевичѣ, Муромцевѣ, Герценштейнѣ, обо всѣхъ гг. Карѣевыхъ, Кокошкиныхъ и Гредескулахъ говорили не иначе, какъ о людяхъ, которые все знаютъ, все насквозь видятъ. О г. Родичевѣ говорили, какъ о Демосоенѣ, который силой своего ораторскаго таланта можетъ сдѣлать что̀ угодно. Со всѣхъ сторонъ неслись къ нимъ привѣтствія и, можно сказать, еще ни одинъ парламентъ не открывался при такихъ благопріятныхъ для руководящей группы предзнаменованіяхъ.

Какими они ушли изъ Думы? Жалкими, смѣшными фигурками, самая добросовѣстность которыхъ подвергается сильнымъ сомнѣніямъ .....

Но не будемъ забѣгать впередъ. Итакъ, Дума открылась. Согласно принятому плану, роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: г. Муромцевъ, дѣлая видъ, что выходитъ изъ партіи, будетъ предсѣдателемъ: князь Долгоруковъ, какъ «послѣдній Рюриковичъ», будетъ выдвинутъ въ качествѣ товарища предсѣдателя; г. Петрункевичъ возьметъ на себя основныя демонстраціи; гг. Герценштейнъ и Іоллосъ пойдутъ въ качествѣ финансистовъ. Этотъ г. Іоллосъ, старинный сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» и пропагандистъ идей Бебеля, былъ признанъ полезнымъ въ качествѣ соединительнаго звена между банковскимъ міровоззрѣніемъ покойнаго Герценштейна и стремленіями крайнихъ партій. На роли оратора по общимъ вопросамъ былъ намѣченъ г. Набоковъ. Для эффектовъ

пустили г. Родичева. Для дерзостей и безшабашнаго натиска рѣшили эксплотировать г. Щепкина. Для выраженія ненависти—г. Винавера, этотъ неисчерпаемый источникъ ненависти къ Россіи. Для юридическихъ упражненій—невиннаго по части юриспруденціи г. Кокошкина. Съ г. Кедрина взяли слово молчать, а г. Ѳедорова рѣшили держать для связи съ состоятельными городскими кругами. За кулисами устроили г. Милюкова. Онъ шелъ въ корню, гг. Гессенъ и Струве были пущены съ нимъ въ пристяжныхъ.

И сразу же пошли полнымъ ходомъ. Не успѣли выбрать г. Муромцева предсѣдателемъ, „какъ вышелъ г. Петрункевичъ и грубо, безтактно заявилъ «требованіе» объ амнистіи. Предсѣдатель не остановилъ его, хотя, какъ знатокъ парламентскихъ обычаевъ, не могъ, конечно, не понимать, что, съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, выходка г. Петрункевича дерзка и мыслима только въ революціонномъ парламентѣ.

Къ этому моменту уже опредѣлилось, что «весь русскій народъ требуетъ немедленнаго штурма бюрократіи», что «революціонный пролетаріатъ готовъ къ выступленію» и что прошла пора «просить», а насталъ моментъ требовать». Г. Милюковъ всему этому вздору шелъ на встрѣчу и нервировалъ этимъ вздоромъ всю партію. Онъ боялся только, что штурмъ можетъ увлечь часть партіи слишкомъ далеко. Какъ бы не разстроились кадетскіе ряды. Поэтому онъ сегодня подстегивалъ, а на завтра сдерживалъ. За день до открытія Думы онъ утвердилъ выходку г. Петрункевича, а въ день открытія Думы, когда на собраніи парламентской кадетской группы былъ поднятъ вопросъ о необходимости поставить правительству рядъ ультиматумовъ, г. Милюковъ раздумчиво замѣтилъ, что, пожалуй, можно пока и подождать. Съ нимъ не соглашались, но онъ сталъ увѣрять, что достаточно на первое время заявить только объ обязательности амнистіи. Не будетъ амнистіи—Дума не приступитъ къ органической

работѣ. Если же амнистія будетъ,—тогда можно выставить и остальныя требованія: во-первыхъ, пусть назначатъ думскій кабинетъ и дозволятъ произвести смѣну должностныхъ лицъ сверху до низу; во-вторыхъ, пусть упразднятъ Государственный Совѣтъ; въ-третьихъ, пусть откажутся отъ исключительныхъ законовъ. Само собой разумѣется—разсуждалъ г. Милюковъ—правительство, нуждающееся въ томъ, чтобы Дума не шла рѣзко противъ него, на амнистію согласится. Если же согласится на амнистію, остальное послѣдуетъ само собой.

На этомъ кадеты утвердились, и соотвѣтственно были направлены ихъ удары. Если внимательно вчитаться въ отвѣтный адресъ Думы, составленный подъ исключительнымъ давленіемъ кадетовъ, легко видѣть, что вопросъ объ амнистіи поставленъ тамъ въ формѣ ультиматума.

Протеста со стороны министерства кадеты не ждали. Но министерство протестовало. Не можетъ быть!... Кадеты изъ себя вышли... Декларація поразила ихъ, какъ громъ среди яснаго дня. Какъ?!... Неужели правительство настолько слѣпо, что не видитъ той бездны, въ которую оно толкаетъ страну? Неужели правительство дѣйствительно намѣрено еще защищаться?!...

Чтобы понять истинное значеніе этого момента, надо нѣсколько отклониться въ сторону и хотя бы въ немногихъ словахъ разсказать, что̀ такое такъ называемые «трудовики» и какую роль сыграли они въ исторіи описываемаго второго акта трагикомедіи.

Такъ какъ крайнія партіи, т. е. соціалисты-демократы и часть соціалистовъ-революціонеровъ бойкотировали Думу, а кадеты, будучи революціонерами, до послѣднихъ дней тщательно свою революціонность прикрывали, то передъ выборами оказалось, что единственной партіей, подъ прикрытіемъ которой могутъ пройти въ Думу тѣ крайніе, кто противъ бойкота Думы, это—кадеты. И вотъ съ разныхъ сторонъ подъ флагъ кадетовъ потянулись всѣ эти Жилкины, Черновы, Якубсоны, Аникины, Недоносковы, Опипко,

вся эта накипь русской провинціальной полуинтеллигенціи, выгнанные землемѣры, исключенные за буйное поведеніе семинаристы, юркіе еврейчики-ходатаи по дѣламъ, оказавшіеся не у дѣлъ ветеринары и прочій сбродъ. Почему ихъ выбирали? Потому, что такова была минута, одна изъ тѣхъ нелѣпицъ русской дѣятельности, которая, напримѣръ, бывшаго директора полиціи бросила въ лагерь тѣхъ, кого еще недавно онъ самъ же считалъ подлежащими немедленной высылкѣ въ Восточную Сибирь. Это именно та нелѣпица русской дѣйствительности, которая ведетъ къ тому, что землемѣръ Сѣдельниковъ говоритъ отъ имени казачества, Герценштейнъ отъ имени русскаго крестьянства, Щепкинъ—отъ имени русскаго еврейства, а Кутлеръ заявляетъ себя избранникомъ русскаго народа и свою волю отождествляетъ съ волей народа.

Ихъ выбрали — грустный фактъ; но въ виду всего, что мы говорили раньше и сказали сейчасъ — весьма понятный фактъ и во всякомъ случаѣ — несомнѣнный фактъ. Попавъ въ Петербургъ и быстро сообразивъ, что отнынѣ они неприкосновенны, эти господа, как[illegible] ди мало культурные, внѣшнее приняли за внутреннее, слѣдствія перепутали съ причинами. Какъ имъ себя держать? Слиться съ кадетами значило бы раствориться въ нихъ. Во-первыхъ, кадеты все-таки баре, бѣлая кость. Хотя г. Набоковъ и сталъ демократизма ради щеголять въ какихъ-то независимыхъ пиджачкахъ, но гг. Жилкины и Аникины сейчасъ же высчитали, что одинъ жилетъ г. Набокова стоитъ дороже, чѣмъ весь гардеробъ двухъ трудовиковъ. Сосчитали и сейчасъ же напечатали. Во-вторыхъ, кадеты — люди болѣе или менѣе грамотные. Чуть съ ними не согласишься, такъ и опрокидываютъ на голову цѣлыми ушатами ссылки на иностранные законы, на кни[illegible] кихъ-то нѣмцевъ и англичанъ съ самыми мудреными фамиліями. Въ-третьихъ, какъ же такъ вообще? Неужели, дѣйствительно, всю власть безъ остатка отдать кадетамъ и даже не попытаться оторвать хоть какую-нибудь часть для

черной кости провинціальнаго разночинца?!. Тѣмъ болѣе, то вѣдь революцію, какъ-никакъ, дѣлали вмѣстѣ, а ужъ что касается забастовокъ, то кто же, какъ не люди черной кости, провели ее? Вѣдь не г. Випаверъ съ Кокошкинымъ!..

Такимъ образомъ, сами собой опредѣлились обстоятельства, приведшія къ образованію новой парламентской группы. Пока шла рѣчь о борьбѣ съ министерствомъ, разумѣется, этимъ группамъ было легко уживаться съ трудовиками; кадеты даже не прочь были, согласно своему основному обычаю, попробовать поэксплоатировать трудовиковъ. Они, напримѣръ, охотно выпускали ихъ застрѣльщиками, они натравляли ихъ, подуськивали, дразнили. Но на руководящіе вопросы кадеты продолжали смотрѣть, какъ на свою личную собственность, и отрицали право трудовиковъ имѣть на эти вопросы свое особое групповое мнѣніе.

Въ началѣ такъ и шло. Но тутъ трудовики сообразили, что пока они только группа, а не организовинная партія, кадеты могутъ помыкать ими, сколько угодно. Къ этому времени, между тѣмъ, двумъ-тремъ Аладьинымъ удалось заставить говорить о себѣ, какъ о томъ «грядущемъ хамѣ», отъ котораго, повидимому, некуда уже укрыться. Русская интеллигенція — одна изъ самыхъ малодушныхъ въ мірѣ. Она такъ оторопѣла отъ этого града брани и оскорбленій по адресу министровъ, что рѣшительно опустила руки и предположила, что уже все кончено. Трудовая партія поняла такую психологію общества, оцѣнила ее и рѣшила ее использовать. Съ одной стороны, она усилила свою необузданность по отношенію къ правительству, съ другой же стороны, уже иначе заговорила она съ кадетами. Она перестала просить ихъ, она рѣзко и грубо потребовала своей доли.

Что же кадеты? Конечно, они засуетились, заволновались и немедленно стали дѣлать попытки выработать рядъ компромиссовъ, при помощи которыхъ можно было бы добиться соглашенія. «Компромиссъ»—излюбленное кадетское

средство. Лишь бы соглашеніе, а тамъ, конечно, удастся обмануть трудовиковъ и постепенно разбить ихъ. Но трудовики и на компромиссы шли, и тѣмъ не менѣе не прекращали своихъ натисковъ.

Кадеты—та же интеллигенція, т. е. малодушны въ высшей степени. Стоило трудовикамъ показать, что они не намѣрены сдаваться, какъ часть кадетовъ быстро перешла на сторону трудовиковъ. Центральному комитету это было такъ непріятно, что онъ даже рѣшилъ пересмотрѣть свою тактику.

Въ этотъ именно моментъ центръ партіи и обнаружилъ свою политическую несостоятельность. Онъ переоцѣнилъ натискъ трудовиковъ, не понялъ психологіи массъ, далъ себя одурачить и рѣшительно свернулъ налѣво. Но центръ обнаружилъ не только политическую несостоятельность, а и особую, исключительную трусость: повернувъ за трудовиками влѣво, онъ шелъ въ этомъ направленіи не иначе, какъ ворча и упираясь; то вдругъ кадеты дѣлали веселыя лица, то вдругъ огрызались; неизмѣнно все время озирались и нервно вздрагивали.

Въ нѣкоторое оправданіе кадетамъ скажемъ, что вѣдь надо всетаки знать, какого рода публика эти пресловутые трудовики. Они метались между Петербургомъ и провинціей, волновали народъ, сами сочиняли отъ его имени приговоры и постановленія, телеграммы и привѣтствія, сами же потомъ носились съ этими документами, сами же печатали ихъ и кончали тѣмъ, что сами же начинали имъ вѣрить. Они вошли въ различныя революціонныя организаціи, въ своихъ газетахъ призывали народъ къ возстанію, сообщали ложныя свѣдѣнія о революціонномъ настроеніи городовъ, уѣздовъ, частей войскъ, путемъ всякаго рода агитаціи создавали настроенія, которымъ поневолѣ стали вѣрить не только кадеты, но и люди съ менѣе ихъ расшатанной волей и менѣе ихъ пораженной нервной системой.

Не послѣднюю роль сыгралъ и кадетскій клубъ. Это было гнѣздо еврейской революціонной молодежи, куда стекались всѣ вымыслы дня и откуда разносились по всей странѣ всевозможныя, самыя нелѣпыя сплетни. То прибѣжитъ одинъ еврей и, захлебываясь отъ восторга, разскажетъ, что взбунтовалась цѣлая дивизія, то прибѣжитъ какая-нибудь, потерявшая уже женскій обликъ еврейка и, шепелявя и заикаясь, начнетъ лепетать о новомъ возмущеніи флота, то вдругъ придутъ «прямо отъ сенатора» два еврейскихъ адвоката и категорически заявятъ, что такого-то города уже нѣтъ, что онъ въ рукахъ «инсургентовъ» и что губернаторъ уже «передалъ ключи отъ казначейства», точно когда нибудь губернаторы хранятъ у себя эти давно дразнящіе воображеніе кадетовъ ключы...

Если бы кадеты были политически способной и разсудительной группой, они, конечно, сумѣли бы разобраться во всемъ вздорѣ. Вѣдь сумѣло же разобраться въ нихъ правительство. Кажется, роспускъ Думы показалъ это воочію.

Кадеты, если бы они были дѣйствительно политическими дѣятелями, а не только кустарями политической интриги, должны были бы рѣзко отмежеваться отъ трудовиковъ и твердо стать на опредѣленный, ясно выраженный и точно очерченный конституціонный путь. Тогда съ ними пришлось бы дѣйствительно считаться. Но на ихъ слабыя головы подѣйствовалъ революціонный угаръ, ихъ завистливыя сердца не выдержали вида цвѣтовъ, которые ежедневно подносились Аладьину и даже дамами общества, ихъ лойяльности не хватило на рѣзкій отпоръ политическому хамству, и они поэтому вошли въ хороводъ трудовиковъ и кружились въ немъ, пока не докружились до Выборга.

Потомъ-то они увидѣли, что надѣлали глупостей. Но слово—не воробей: вылетитъ не поймаешь. Потомъ-то они дошли до такого униженія, что стали всю вину сваливать на трудовиковъ. Какой стыдъ! Точно гимназисты, уличен-

ные въ продѣлкѣ, они искали того «чужого дядю», который смутилъ ихъ...[1])

Извиняемся за отступленіе. Но мы хотѣли выяснить настроенія, которыя уже стали опредѣляться, когда вдругъ, вмѣсто ожидавшагося объявленія амнистіи, послѣдовала декларація министерства. Тогда еще не было того хоровода, о которомъ мы только что говорили, но Аладьинъ уже получилъ свои первые цвѣты, а Сѣдельниковъ уже печаталъ о своихъ первыхъ синякахъ во всѣхъ газетахъ. «Поддержка революціоннаго народа», этотъ кошмаръ, приведшій кадетовъ на самое дно революціоннаго болота, эти блуждающіе

---

[1]) Кстати, не можемъ не привести для опредѣленія того, что такое эти пресловутые «трудовики» одинъ любопытный документъ, помѣщенный въ № 306 газеты «Россія» въ статьѣ «Герой Онипко» г. К—ва. Это прошеніе «самого» Онипко ставропольскому губернатору объ опредѣленіи его на должность станового пристава. Беремъ это прошеніе полностью: «Его превосходительству господину губернатору Ставропольскому Кистинскаго волостнаго писаря Ѳедота Михайлова Онипко. Причисленнаго къ обществу крестьянъ того же селенія, Благодаренскаго уѣзда. Прошеніе. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить меня, ввѣренной Вамъ губерніи, на должность станового пристава. Вамъ доказываю, что я окончилъ курсъ въ одноклассномъ церковноприходскомъ училищѣ, а въ случаѣ буду зачисленъ, то могу держать экзаменъ по программѣ 4-го класа гимназіи. Имѣю отъ роду 25 лѣтъ. Состою въ должности волостного писаря 7 лѣтъ и съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ я вполнѣ знакомъ. Я женатъ, имѣю двухъ дѣтей. Буде въ настоящее время не имѣется свободной вакансіи, то прошу зачислить меня кандидатомъ. О нравственныхъ качествахъ моихъ можетъ дать отзывъ правитель канцеляріи вашего превосходительства, г. Снѣжковъ и г. земскій начальникъ 1-го участка Благодаренскаго уѣзда. 1905 года іюня 8 дня. Село Кистинское, Ѳедотъ Михайловъ Онипко». «Не дурно?!»—восклицаетъ авторъ статьи «Герой Онипко»—«Тотъ самый Онипко, который и т. д., и вдругъ ни болѣе, ни менѣе, какъ... становой приставъ! Слѣдовательно, если бы ставропольскій губернаторъ удовлетворилъ просьбу Онипко, то теперь, вѣроятно, вся революціонная печать съ презрѣніемъ говорила бы объ Онипкѣ, столь энергично изгнавливающемъ разныхъ Онипокъ. А что онъ изгнавливалъ бы ихъ энергично, можно ли сомнѣваться, разъ мы уже знаемъ энергію этого господина?».... «Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ Ѳедотъ Онипко, редакторъ трехъ газетъ (съ образованіемъ въ предѣлахъ программы первыхъ четырехъ классовъ) и революціонеръ во имя мести за неполученный своевременно станъ...»

огоньки, ловить которые бросились кадеты, подгоняемые трудовиками, уже замелькали.

Удивительно ли, если декларація министерства была принята кадетами въ штыки?

Съ этого момента начинается вторая картина описываемаго второго акта кадетской трагикомедіи...

XI

Все, что происходитъ затѣмъ, все, что по выслушаніи министерской декларацiи продѣлываютъ кадеты, рѣшительно похоже на сказку. Это даже не политическія комбинаціи, и даже не политическая игра, а прямо какое-то сплошное буйство, образецъ такой политической распущенности и недомыслія, которымъ нѣтъ равнаго во всей исторіи парламентовъ.

Теперь, когда событія наглядно показали, до чего неумно вели себя кадеты въ первой Думѣ, г. Милюковъ съ компаніей оправдываются тѣмъ, будто бы сама страна требовала отъ своихъ представителей штурма. Жалкое оправданіе! Если бы страна требовала переворота, она совсѣмъ иначе отвѣтила бы на роспускъ Думы. Дѣло было проще: главари всякаго рода революціонныхъ и пролетарскихъ организацій сами создавали волны бунтарскихъ настроеній и сами помпнутно ссылались на нихъ. Кадеты просто-напросто попались на это удочку. Они боялись этихъ волнъ. Если бы правительство было уступчиво, кадеты овладѣли бы властью и пошли бы противъ бунтарскихъ настроеній. Но правительство поняло кадетовъ. Это обстоятельство также злило. Кадеты къ тому же боялись, что волны бунтарскихъ настроеній могутъ вдругъ разлиться безъ ихъ участія и, слѣдовательно, снесутъ не только правительство, но и ихъ самихъ. Кадеты не были бы кадетами, т. е. прежде всего своекорыстной группой, если бы тѣмъ не менѣе, во имя блага страны, высказались

за порядокъ. Нѣтъ, они, наоборотъ, рѣшили по мѣрѣ возможности подтяцовывать съ главарями революціоннаго пролетаріата заодно, въ тактъ, и этимъ хоть до нѣкоторой степени обезпечить свою долю въ дѣлежѣ добычи. А что побѣда будетъ и что будетъ такая дѣлежка—въ этомъ они не сомнѣвались. Вѣдь въ чемъ препятствіе? Только бы заставить власть заколебаться...

Они могли сомнѣваться только въ опредѣленіи силы и значенія этихъ бунтарскихъ волнъ, но въ самомъ существованіи ихъ они не сомнѣвались. Они настолько не сомнѣвались, что охотно принимали участіе въ дѣятельности бунтарскихъ организацій. Если же у кого-нибудь изъ нихъ и зарождались сомнѣнія, то, въ виду общаго настроенія, сомнѣнія эти не высказывались.

Такимъ образомъ, ходъ мысли былъ таковъ: надо или воспользоваться этими настроеніями, или, вмѣстѣ съ правительствомъ, сдѣлаться ихъ жертвой; если желать воспользоваться, то надо, съ одной стороны, всячески раздувать ихъ, а съ другой—ими же угрожать правительству; на всякій случай, надо, однако, помнить, что бунтарскія настроенія—палка о двухъ концахъ; поэтому одну часть партіи надо тайкомъ ввести въ самую сумятицу бунтарства, а другую часть партіи слѣдуетъ держать въ уздѣ для систематической борьбы въ самой Думѣ, но борьбы, такой, пріемы которой, по возможности, не поражали бы чрезмѣрной, явно выраженной, революціонной настойчивостью. Наконецъ, и въ предѣлахъ этой группы быстро опредѣлились два отряда: одинъ—большой, который штурмовалъ министерство; другой—меньшій, который шелъ по слѣдамъ перваго и заметалъ слѣды.

На первый планъ былъ выдвинутъ аграрный вопросъ. Онъ давалъ наибольшій матеріалъ для всѣхъ этихъ цѣлей. Съ одной стороны въ крестьянскую массу уже была брошена искра. Уже народу крикнули: «земля, земля!» Уже народъ подхватилъ этотъ крикъ, и уже пожаръ начался. Съ другой же стороны именно по этому вопросу прави-

тельство проявило особую неуступчивость. Слѣдовательно, именно на этой почвѣ и было всего удобнѣе направить народные инстинкты противъ правительства.

Началась травля. Въ газетахъ, въ рѣчахъ съ думской каѳедры, путемъ посылки спеціальныхъ агитаторовъ въ провинцію, всѣми дозволенными и недозволенными путями кадеты, заодно со всѣми лѣвыми партіями, кричали о землѣ, о томъ, что правительство, въ своихъ интересахъ, упорствуетъ, что одна только Дума можетъ облагодѣтельствовать крестьянъ и проч. При этомъ, однако, кадеты не столько настаивали на подробностяхъ своей аграрной программы, сколько нападали на правительство, которое будто бы не желаетъ дать крестьянамъ землю. Изъ всѣхъ принциповъ своей программы они особенно упирали только на одинъ пунктъ: на требованіе принудительнаго отчужденія частныхъ земель. Принудительное отчужденіе, предполагалось, не можетъ не дѣйствовать на воображеніе массъ. «Помѣщичьи земли должны быть ваши» — говорилъ этотъ принятый кадетами принципъ крестьянамъ, т. е. говорилъ именно то, что легче всего укладывалось въ головахъ крестьянъ.

Спеціально для основного состава своей партіи кадеты выдвинули еврейскій вопросъ. Понимая, что поставить его ребромъ—опасно, они рѣшили воспользоваться вопросомъ о еврейскихъ погромахъ. Подойдя къ общему вопросу о евреяхъ съ этой стороны, дающей такой богатый матеріалъ для громкихъ фразъ и всякого рода выкриковъ, они, конечно, уже менѣе рисковали встрѣтить отпоръ со стороны юдофобовъ, которыхъ и въ Думѣ было не мало. Тутъ, кстати, подвернулись съ своими «разоблаченіями» г. Лопухинъ и кн. Урусовъ, и разыгрался Бѣлостокскій погромъ. Послѣдній былъ принятъ кадетами какъ неожиданный даръ, посланный съ неба. Помилуйте, такой случай напасть на правительство! Послали спеціальную комиссію для разслѣдованія, мобилизовали всю еврейскую прессу Россіи и Западной Европы; ничего, конечно,

не выяснили, но развѣ въ этомъ дѣло? Нуженъ былъ шумъ, скандалъ. И шумъ былъ.

Третьимъ вопросомъ былъ вопросъ о смертной казни. Какъ требованіемъ амнистіи, такъ и требованіемъ отмѣны смертной казни, кадеты расплачивались съ революціей по основнымъ счетамъ. Нельзя забывать, что смертная казнь является единственнымъ видомъ незамѣнимаго наказанія. Революція почувствовала бы себя сразу смѣлѣе, если бы Думѣ удалось добиться отмѣны смертной казни. Сверхъ того, и тутъ кадеты видѣли отличное средство для нападенія на правительство, представителямъ котораго можно было безнаказанно бросать въ лицо обвиненіе въ кровожадности.

Рядомъ шла та работа, которую кадеты, можетъ быть, даже искренно, въ силу своей полной неподготовленности къ государственной дѣятельности, наивно называли «парламентской». Эта работа состояла въ томъ, что одинъ за однимъ, безъ системы, безъ плана, безъ толку поднимались всѣ принципіальные вопросы государственной жизни и общественнаго уклада и обсуждались «вообще», т. е. такъ, какъ обсуждаются такіе вопросы на митингахъ, безъ малѣйшаго отношенія къ исторіи, закону и даже къ элементарнымъ условіямъ дѣйствительности. Г. Милюковъ, который завѣдывалъ всѣми нитями этого спектакля, очень радовался и изо дня въ день повторялъ на столбцахъ кадетскихъ изданій: «Совершается переоцѣнка цѣнностей, это великое производство невѣсомаго». Развѣ одно это не опредѣляетъ намъ всю недальновидность кадетовъ и ихъ предводителя? Значитъ, они ничего не поняли, не поняли ни психологіи массъ, ни психологіи правительства... Они вели себя какъ диллетанты, которыхъ увлекаютъ впечатлѣнія и которымъ нѣтъ дѣла до сущности.

Такъ какъ мы пишемъ не исторію первой Думы, а только правду о кадетахъ, то не будемъ разбираться въ частностяхъ и эпизодахъ первой думской сессіи. Не будемъ поэтому вспоминать, какъ грубо и безтактно заяв-

ляли кадеты о необходимости хоронить убиваемыхъни- ми стровъ по болѣе дешевому тарифу; не будемъ вспоминать безпрерывной бомбардировки министерства глупѣйшими запросами о томъ, почему такую ту акушерку, у которой нашли готовыя бомбы, судили не за незаконное храненіе пороха, а за принадлежность къ бомбистамъ, и почему сельскаго учителя такого-то за убійство городового держали въ одиночкѣ, а не подъ домашнимъ арестомъ; не будемъ также вспоминать о забавной игрѣ кадетовъ въ законодательныя комиссіи, гдѣ будущіе русскіе законы вырабатывались по рецептамъ нѣмецкихъ учебниковъ и гдѣ какой-нибудь Сѣдельниковъ заявлялъ, напримѣръ, что надо требовать отъ правительства, чтобы оно составляло смѣту подробнѣе, а не ограничивалось одними итогами, какъ оно почему-то это дѣлаетъ. Бѣдные законодатели! Они даже не знали, что бюджетъ каждаго департамента составляетъ нѣсколько фоліантовъ и были увѣрены, что вся смѣта состоитъ изъ «извлеченія», печатаемаго къ новому году въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Чтобы выяснить поведеніе кадетовъ въ это время, разскажемъ лучше, что дѣлала та часть ихъ, которая посылалась партіей въ провинціи. Что дѣлали тѣ, кто оставался въ Думѣ — всѣ помнятъ. Всѣ они говорили глупости. А тѣ, кто отправлялся въ провинцію?

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Депутатъ отъ Владимірской губерніи Алексинскій, пріѣхавъ въ село Опахино въ концѣ іюня, уже счелъ себя въ правѣ заявить на крестьянскомъ митингѣ, что вопросъ о землѣ Думой рѣшенъ окончательно и что къ серединѣ іюля землю будутъ уже дѣлить. Конечно, село обрадовалось, стали пѣть революціонныя пѣсни, откуда ни взялись красные флаги. Въ заключеніе г. Алексинскій объявилъ, что о всѣхъ нуждахъ своихъ крестьяне должны писать Думѣ. Такой, молъ, новый законъ вышелъ.

Депутатъ отъ Пензенской губерніи Езерскій договорился на этихъ сельскихъ митингахъ до того, что про-

тивъ него было поднято уголовное дѣло. Депутатъ отъ Самарской губерніи Костромитиновъ поступилъ еще проще: онъ просто привезъ съ собой бланки съ готовыми приговорами отъ имени крестьянъ и раздавалъ ихъ. Въ приговорахъ же заключалось все, что въ такихъ случаяхъ, по мнѣнію кадетовъ, полагалось: «Вы, наши представители, боретесь съ нашимъ общимъ врагомъ, а мы видимъ, какъ власть имущіе уцѣпились за землю» и т. д., и т. д. Эта литература всѣмъ давно извѣстна, такъ что повторять ее тутъ, конечно, не стоитъ.

А гг. Ломшаковъ, Овчинниковъ и священникъ Огневъ? Они все разъяснили крестьянамъ на митингахъ, кромѣ главнаго: во имя чего собственно они волновали народъ? Изъ ихъ рѣчей выходило, будто бы источникъ неурожая, и малоземелья, и болѣзней, и войны съ Японіей, словомъ, рѣшительно всего,—Горемыкинъ и его сотрудники. Съ другой же стороны, всячески восхвалялись кадетскіе главари. Вотъ, дескать, люди! Сдѣлать ихъ министрами,—и урожай будетъ каждый годъ самъ-двадцать. Священникъ Огневъ, какъ передаютъ злые языки, особенно усердствовалъ, расхваливая покойнаго Герценштейна, и занимался этимъ до тѣхъ поръ, пока не былъ прерванъ рѣзкимъ замѣчаніемъ одного изъ слушателей. Даже г. Набоковъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи испробовать силы на сельскомъ митингѣ. Впрочемъ, какъ и слѣдовало такому настоящему демократу, деревню онъ избралъ не настоящую, а дачную, подъ ст. Сиверской, и, конечно, только вызвалъ недоумѣніе крестьянъ, когда сталъ имъ объяснять, что онъ, Набоковъ, является первымъ печальникомъ о нуждахъ крестьянства. Но дачники и дачницы шумно аплодировали оратору... Болѣе откровенный кадетъ Софроновъ, депутатъ отъ Саратовской губерніи, поступилъ иначе: онъ, какъ разсказываютъ, собралъ засѣданіе комитета партіи народной свободы и рекомендовалъ всѣмъ мѣстнымъ лѣвымъ партіямъ объединиться и готовиться къ третьей общей политической забастовкѣ. Оно, впрочемъ,

и понятно. Г. Сафоновъ «путешествовалъ» уже въ концѣ іюня, т. е. тогда, когда кадеты стали окончательно терять голову и готовились стать въ первыхъ рядахъ «рѣшительнаго натиска революціонной арміи». Готовились,—что, конечно, еще не значитъ, что они стали бы...

А членъ Думы отъ Харьковской губерніи г. Линтваревъ? Посланный для «разслѣдованія» по вопросу о выборахъ въ Волынскую губернію, онъ въ концѣ іюня разъѣзжалъ по селамъ, говорилъ рѣчи, производилъ слѣдствія по обвиненіямъ, возводимымъ на мѣстныя власти отдѣльными крестьянами, вообще велъ себя, какъ долженъ вести себя истинный конституціоналистъ-законодатель, который, согласно увѣреніямъ кадетовъ, «превыше всего долженъ ставить законность....»

Мы могли бы значительно увеличить число подобныхъ примѣровъ. Но мы остановились только на тѣхъ случаяхъ, которые достаточно точно зарегистрированы или мѣстными изданіями, или очевидцами. Если же основываться на однихъ слухахъ, хотя и болѣе или менѣе правдоподобныхъ, то пришлось бы прямо обвинять кадетовъ въ систематической революціонной пропагандѣ.

Г. Милюковъ въ это время радостно потиралъ руки и все твердилъ свое: «Идетъ переоцѣнка цѣнностей, творится невѣсомое....»

Какъ мы уже сказали, въ концѣ іюня кадеты окончательно потеряли голову. Ошеломленные декларацией министерства, они пошли на штурмъ. Но вдругъ запахло жаренымъ: они узнали, что какъ будто гдѣ-то начали говорить о возможности врученія имъ власти. Это сейчасъ же подѣйствовало. Центръ усиленно забѣгалъ и сталъ сдерживать расходившіеся не въ мѣру лѣвые элементы. Что происходило затѣмъ—про то знаютъ только гг. Милюковъ, Муромцевъ и компанія. Оказалось, однако, что они ошиблись. Ужасный ударъ! По счету, уже второй. Партія вновь раздражилась и пошла напроломъ.

Какихъ только способовъ не предлагалось! Отправить депутацію, призвать на помощь еврейскихъ банкировъ, объявить себя учредительнымъ собраніемъ, обратиться къ населенію съ манифестомъ. Эту послѣднюю мысль подалъ главный думскій позеръ и политическій кокетъ генералъ Кузьминъ-Караваевъ, послѣ того какъ появилось надѣлавшее такого шума правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. Манифестъ — не манифестъ, но на правительственное сообщеніе надо отвѣтить думскимъ сообщеніемъ къ народу—пронеслось по кадетскимъ рядамъ. Законно ли это? Трудовики кричали, что законно, потому что за ними 130 милліоновъ русскаго народа. Кадеты понимали, что это незаконно, но понимали и то, что, если они дадутъ трудовикамъ увлечь за собой Думу, роль кадетовъ въ Думѣ окончена. Надо было «овладѣть движеніемъ», т. е. откровенную революціонную глупость замѣнить кадетской революціонной хитростью. Долго возились съ этимъ, но наконецъ какой-то вздоръ выработали. Начались пренія. Вдругъ родилось опасеніе, что, пожалуй, правительство разсердится и закроетъ Думу. Тѣмъ болѣе, что въ оффиціальныхъ изданіяхъ стали появляться какія-то угрожающія статьи. Тогда былъ выпущенъ г. Петрункевичъ. Онъ сталъ хитрить, какъ только онъ одинъ умѣетъ это дѣлать. Вопросъ запутался. Члены Думы стали явно колебаться. Но «революціонный пролетаріатъ» стоялъ за спиной и требовалъ «дѣйствій». А если распустятъ Думу?— спрашивали тревожно кадеты. Пусть попробуютъ! Три крѣпости готовы возстать въ каждую данную минуту, и стоитъ большого труда сдерживать возмутившихся. Готова и всеобщая забастовка!—рѣшительно отвѣчали революціонеры. Кадеты повѣрили... и Дума была закрыта!

Закрытіе произошло неожиданно для кадетовъ. Они получили первое извѣстіе въ моментъ, когда вырабатывали планъ дальнѣйшихъ подвиговъ въ Думѣ. Дума закрыта? О, тогда жребій брошенъ! Страна «наканунѣ величайшихъ событій». Ахъ, какъ бы они хотѣли этихъ «событій»!

Кровь? Ужасы? Это ихъ не смущало. Что дѣлать?! Кровь падетъ на голову правительства, а портфели.....

И кадеты отправились въ Выборгъ.....

XII.

Выборгъ—могила кадетовъ, какъ партіи. И, конечно, могила не только въ томъ смыслѣ, что послѣ Выборга партія народной свободы потеряла право быть легализованной политической партіей, а и въ томъ, что послѣ Выборга кадетамъ уже никогда не вернуть тѣхъ симпатій, которыя встрѣтили партію въ началѣ ея исторіи. Правда, уже тактика кадетовъ въ Думѣ поколебала эти симпатіи. Но не будь Выборга, время могло бы залечить раны, нанесенныя кадетами самимъ себѣ. Выборгъ довершилъ дѣло. Изъ Выборга они думали управлять Россіей, изъ Выборга думали они поднять всю страну противъ ея законнаго правительства, въ Выборгѣ они вообразили себя не то учредительнымъ собраніемъ, не то «Долгимъ парламентомъ»; во всякомъ случаѣ, тамъ они видѣли себя въ эффектной роли властителей думъ, новаго правительства, вождей общенароднаго возстанія. На самомъ же дѣлѣ они оказались водевильными простаками, тѣми фофанами, которые попали, въ ловушку, разставленную ими для другихъ.

Съ какой стороны ни взглянуть на выборгское воззваніе, одинаково является оно только глупостью и пошлостью. Во-первыхъ, самая идея пассивнаго сопротивленія — глупость. Надо вѣдь принять во вниманіе, что воззваніе предназначалось для русскаго крестьянства, т. е. для массы малокультурной, которая неспособна въ такой мѣрѣ аккуратно различать активное сопротивленіе отъ пассивнаго, въ какой мѣрѣ это нужно для успѣха кадетской доктрины. Слѣдовательно, хотя кадеты и провозгласили только пассивное сопротивленіе, но, въ дѣйствительности, они призывали прямо къ вооруженному возстанію, какъ естественному, неизбѣжному выводу изъ особенностей обстановки, въ которой ихъ пассивное сопротивленіе должно было бы осуще-

ствляться. Между тѣмъ, кадеты сами же высказываются противъ идеи вооруженнаго возстанія. Этого мало: они безжалостно смѣются надъ этой идеей, объявляя ее своего рода провокаціей. Во-вторыхъ, выборгская программа является глупостью и потому, что рѣчь идетъ о неплатежѣ прямыхъ налоговъ въ странѣ, основой бюджета которой являются косвенные налоги. Что же касается рекрутчины, то и кадеты, хотя они вообще ничего не знаютъ, все-таки должны были бы знать, что рекрутовъ ни въ одной странѣ не даютъ, а всегда и вездѣ ихъ берутъ. Надо было къ тому же ровно ничего не понимать въ психологіи страны, чтобы думать, что такъ-таки весь народъ изъ-за прекрасныхъ глазъ кадетовъ, не видя отъ нихъ ничего, кромѣ шума и скандаловъ, пойдетъ ни болѣе ни менѣе какъ на такое опредѣленное неповиновеніе властямъ. Въ-третьихъ, выборгская программа глупость еще и потому, что показываетъ, какъ недогадливы кадеты и ихъ главные руководители. Вся ихъ сила была въ томъ, что, будучи революціонерами, они играли въ конституціоналистовъ. Въ Выборгѣ между тѣмъ они вдругъ затѣяли неловкую игру въ революцію, для чего попрали основы конституціонности. Вмѣсто того, чтобы, собравшись, сказать оттуда народу: «Мы, кадеты, велимъ тебѣ, нашъ народъ, оставаться спокойнымъ»,—они вдругъ взяли и ахнули! Поступи они такъ, какъ мы говоримъ,—какими героями ходили бы они теперь!... Народъ все равно оставался бы покойнымъ, кадеты между тѣмъ кричали бы направо и налѣво, что народъ остался спокоенъ, только благодаря имъ. Развѣ такъ не было бы эффектнѣе? Напримѣръ, Аладьинъ. Не быстрый разумомъ Ньютонъ, обыкновенный гаменъ, а вѣдь оказался догадливѣе. Вспомните, какъ онъ, узнавъ о неудачахъ выборгскаго воззванія, умолялъ русскій народъ не дѣлать революціи. И вѣдь теперь даже грудные младенцы знаютъ, что если революція не состоялась, то только по просьбѣ Аладьина.

Какъ совершенные невѣжды въ политикѣ, они позволили себя одурачить какимъ-то Жилкинымъ и Онипкамъ

съ Недоносковыми и Недососковыми. Они повѣрили, что «все готово»! Неумная дѣтвора!.. Правда, имъ было хорошо извѣстно, что готовятся Свеаборгскія и Кронштадтскія событія, они ожидали къ тому же и бунта въ Севастополѣ, и бунта въ Брестъ-Литовскѣ и всеобщей забастовки. Но они должны были понять, что это еще далеко не все, даже въ случаѣ удачи. Они между тѣмъ повѣрили всѣмъ Старосельскимъ, Черновымъ и прочимъ завсегдатаямъ думскихъ кулуаровъ, этимъ заговорщикамъ-якобинцамъ во вкусѣ мадзинистовъ, какъ ихъ описываетъ зло надъ ними смѣявшійся Герценъ. Они были убѣждены поэтому, что по ихъ слову остановится солнце, сдвинутся горы, выступятъ изъ береговъ моря и рѣки, и, конечно, ждали всего, кромѣ того, чего въ дѣйствительности дождались...

Но «выборгскій крендель», въ такой мѣрѣ начиненный глупостью, былъ къ тому же приготовленъ и на достаточной дозѣ самой обыкновенной... какъ бы это сказать вѣжливѣе... скажемъ: провокаціи. Дѣло въ томъ, что огромному большинству тѣхъ, кто подписалъ выборгское воззваніе, не приходилось самому ни въ солдаты итти, ни прямыхъ наловъ платить. Между тѣмъ народныя массы, въ которыя бросался этотъ призывъ, должны были, дѣйствительно, и валоги платить, и рекрутовъ давать. Слѣдовательно, народныя массы призывались къ протесту во имя идеи, въ жертву которой ея авторы приносили только свои подписи.

Что это именно такъ, особенно отчетливо опредѣлилось послѣ неудачи, постигшей выборгское воззваніе. Правда, въ первые дни по возвращеніи въ Выборгъ, кадеты горделиво заявили, что листки, на которыхъ напечатано воззваніе, какъ мыши, загрызшіе епископа Гаттона, должны будутъ загрызть существующее правительство. Но уже черезъ нѣсколько дней многіе изъ подписавшихъ стали проводить мысль, что, въ сущности, вопросъ не въ осуществленіи, а въ идеѣ. Но этого мало. Мы знаемъ (и кадеты не станутъ это отрицать), что нѣкоторые изъ подписавшихъ воззваніе уже съ наступленіемъ учебнаго года спокойно

хлопотали объ опредѣленіи своихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса (не на казенный ли счетъ, кстати?), а нѣкоторые, по первому приглашенію, уплатили слѣдуемые съ нихъ по владѣнію недвижимостью сборы. Такихъ немного, конечно, но мы сказали уже, что огромное большинство подписавшихъ заранѣе знало, что имъ лично все равно не придется ничего платить, ибо не съ чего и не за что.

Когда появилось выборгское воззваніе, кадеты всѣхъ оттѣнковъ ждали отъ него чудесъ. Когда воззваніе торжественно провалилось, правый флангъ кадетовъ поспѣшилъ объявить его ошибкой, а лѣвый флангъ, обозлившись окончательно, сталъ упрекать центральную группу въ неумѣніи вести партійныя дѣла. Лѣвый флангъ предлагалъ немедленно покрыть всю страну цѣлой сѣтью комитетовъ, которые настояли бы на практическомъ осуществленіи воззванія. Но центръ уже понялъ, что его обманули пролетарскіе генералы, уже созналъ, что правое крыло удручено и уже уяснилъ себѣ, что опираться на одно лѣвое крыло все равно, что опираться на мыльный пузырь... Съ этого момента центръ засѣлъ за выработку формулъ, пользуясь которыми, можно было бы съ почетомъ выйти изъ положенія. Скорѣе: выползти. По кадетскому обычаю—ужомъ.

Но было бы ошибкой предполагать, что центръ все это понялъ и созналъ самъ собой, т. е. не испробовавъ ранѣе всѣхъ средствъ, чтобы, уму наперекоръ и вопреки стихіямъ, все-таки добиться хоть какихъ-нибудь видимыхъ результатовъ отъ выборгскаго воззванія. Центръ очень и очень старался, пробовалъ на всѣ лады, вывѣдывалъ, вынюхивалъ, изслѣдовалъ настроенія массъ, какъ могъ и гдѣ могъ. Центръ сдался только тогда, когда убѣдился, что несмотря на всѣ его стараніе, провалъ воззванія тѣмъ не менѣе полный.

Чтобы показать, что все это не только наши предположенія, но несомнѣнные факты, приведемъ подлинный документъ, одинъ изъ многихъ, которыми мы, вслѣдствіе нескромности кадетскихъ «бюрократовъ», располагаемъ. Этотъ документъ любопытенъ. Документъ, о которомъ мы гово-

римъ, представляетъ собой «отношеніе» мѣстнаго Смоленскаго комитета партіи народной свободы въ отвѣтъ на циркулярный запросъ центральнаго комитета. И циркуляръ за №, и «отношеніе» за №, все какъ слѣдуетъ быть у «фютюръ-правительства». Вотъ этотъ дукументъ:

«Въ послѣднемъ письмѣ Смоленскаго комитета, содержавшемъ въ себѣ отвѣтъ на вопросы 27-го циркуляра, было сообщено, что къ концу августа общія соображенія Губернскаго комитета будутъ дополнены дальнѣйшими данными. Въ настоящее время таковыя получены и подтверждаютъ уже ранѣе констатированное отсутствіе общей окраски губерніи: совмѣщеніе районовъ, настроенныхъ въ высшей степени опозиціонно, но выливающихъ такое настроеніе въ крайне неосмысленныхъ формахъ, съ углами, гдѣ даже самое содержаніе выборгскаго воззванія еще не извѣстно. На проведеніе неплатежа податей шансы все же очень значительны, на недачу рекрутовъ—очень малы; общій тонъ отзывовъ, что «если начнется гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и пройдетъ удачно, поддержитъ и Смоленская губернія», но вѣрнѣе всего—отдѣльными районами.

Выдвигается и начинаетъ распространяться идея, которая, если и не замѣняетъ недачу рекрутовъ, то отчасти аналогична по цѣлямъ, ею преслѣдуемымъ: крестьяне говорятъ, что будутъ брать съ рекрутовъ въ волостяхъ торжественную клятву не поднимать оружія противъ народа. Изложенное подтверждается свѣдѣніями изъ всѣхъ источниковъ».

Недурно, не правда ли?!.... Кто же это пишетъ и кому это пишется? Тѣ и тѣмъ, кто изо дня въ день отрицаетъ свою революціонность, требуетъ признанія со стороны властей и увѣряетъ въ своей конституціонности!..

Только такими «отношеніями» и объясняется пресловутый пунктъ гельсингфорской резолюціи. Помните, какъ туманно редактированъ этотъ пунктъ? «Съѣздъ находитъ, что въ настоящій моментъ не имѣется налицо данныхъ для достаточно широкаго организованнаго осуществленія пассивнаго сопротивленія какъ вообще, такъ и въ частно-

сти въ формѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности въ призывъ 1906 года. На этомъ основаніи съѣздъ не считаетъ возможнымъ рекомендовать немедленное примѣненіе пассивнаго сопротивленія».

Можно подумать, если не знать истинной подкладки вещей, что, въ самомъ дѣлѣ, кадеты опомнились и сообразили, что имъ не слѣдовало горячиться. Въ дѣйствительности же, они просто, несмотря на всѣ старанія, получили указанія съ мѣстъ, что ихъ затѣя потерпѣла рѣшительную неудачу.

Вообще, надо сказать, никогда еще кадетскій іезуитизмъ не достигалъ такого напряженія и не выливался въ такія опредѣленныя формы, какъ во время съѣзда въ Гельсингфорсѣ. Правое крыло пріѣхало туда смущенное дѣятельностью центра; лѣвое крыло, по обыкновенію, готово было на какую угодно игру чужими головами, а центръ хитрилъ съ правыми и лѣвыми, заботясь только о самомъ себѣ. Если бы правымъ и лѣвымъ удалось соединиться на почвѣ осужденія центра, то, несмотря на принятыя мѣры, центръ все-таки былъ бы осужденъ. А мѣры были приняты: добрая треть голосовъ принадлежала центральнымъ комитетамъ, половина остальныхъ—ихъ ставленникамъ и друзьямъ.

Но центръ для правыхъ отказался отъ выборгскаго воззванія, какъ тактическаго пріема, оставивъ его лишь въ запасѣ «допустимыхъ средствъ», для лѣвыхъ же онъ присоединился къ рѣзкимъ выходкамъ противъ существующаго правительства. Плохо, кое-какъ, едва-едва, но центръ тѣмъ не менѣе собралъ концы и устоялъ.

Нужно ли намъ разбирать тотъ вздоръ, который лежитъ въ основѣ гельсингфорскихъ пунктовъ? Едва ли. Идея пассивнаго сопротивленія, эта боевая часть гельсингфорской резолюціи, была сочинена кадетами къ случаю. Если бы выборгская затѣя удалась или даже только рождала бы надежды на удачу, кадеты заговорили бы инымъ языкомъ. Они не стали бы тогда ссылаться на англійскихъ нонконформистовъ, не стали бы развивать теорій «пассивнаго революціонизма на почвѣ активнаго конституціонализма» и

вообще не стали бы такъ много и долго разговаривать, какъ они это дѣлаютъ теперь.

Но затѣя не удалась, партія дала рядъ трещинъ, авторитетъ заколебался, все громче и громче стали подсмѣиваться надъ ними,—ясно, что надо было изворачиваться. Они и попробовали. Если ихъ спросить, они, конечно, скажутъ, что своего все-таки добились. Если же поговорить съ ними неофиціально, они съ грустью сознаются, что только изъ огня попали въ полымя. Въ Гельсингфорсѣ они думали поправить свои дѣлишки, испорченные въ Выборгѣ, но Гельсингфорсъ подрѣзалъ ихъ окончательно.

Чтобы какъ-нибудь подбодрить себя, они затѣяли было «пріемъ англійской депутаціи». Т. е. къ г. Соскису изъ Петербурга должны были пріѣхать три Соскиса изъ Лондона, а г. Милюковъ долженъ былъ торжественно плакать въ жилетъ г. Муромцева. Но изъ этой затѣи также ничего не вышло, кромѣ еще одного скандала.

Въ какомъ же положеніи партія сейчасъ? Въ весьма забавномъ: лѣвое крыло требуетъ рѣшительнаго блока съ крайними партіями, правое крыло частью расползается, частью пало духомъ, а центръ снуетъ между тѣми и другими, но главная его энергія поневолѣ уходитъ на то, чтобы скрыть слѣды раздоровъ и раскола. На шеѣ у партіи, точно жерновъ, выборгское воззваніе, на рукахъ кандалы, выкованные въ Гельсингфорсѣ, на душѣ страстная ненависть къ правительству, но рядомъ съ этимъ сознаніе, что обстоятельства требуютъ особой сдержанности, въ глазахъ туманъ, сквозь который уже не видать портфелей, на языкѣ постоянныя увѣренія въ своей строгой конституціонности, а кругомъ—смѣхъ, смѣхъ и только смѣхъ... Обидный, рѣзкій смѣхъ и, увы, нѣтъ даже того утѣшенія, что онъ незаслуженъ...

Библиотека
Института В. И. Ленина

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“

С.-Петербургъ, Невскій, 40.